

Ирина Дюгаева

# Мистическая сопричастность

повесть



Оренбург  
2020

Эта книга издана при финансовой поддержке  
Министерства культуры Российской Федерации  
и техническом содействии Союза российских писателей



Оренбургским региональным отделением  
Союза российских писателей

**Ирина Дюгаева.** Мистическая сопричастность. Повесть. — Оренбург:  
Издательский центр МВГ, 2020. — 80 с.

**ISBN 978-5-9072972-3-4**

12+

© Ирина Дюгаева, повесть, 2020 г.  
© Издательский центр МВГ, 2020 г.

## Часть I

### I

Всё складывалось так, как боялась Соня. Две кошки — иначе их никак нельзя было назвать — орали наперебой как резаные и не могли прийти к единому мнению.

— Аборт — это грех! — горланила первая кошка, которую кликали Машка-давашка, за то что давала списывать домашку. — Аборт — это самое ужасное, что только можно выдумать. Не вздумай!

— Грех — изводить подругу нравоучениями. Аборт — самое нормальное решение из всех, — прорычала вторая кошка, которую звали Эллочкой, но чаще Эллочкой-людоедкой. Людоедкой она была ещё той, но скорее мужеедкой, потому что имела большой аппетит на мужчин постарше.

Повод для ссоры этих кошек был самый пустяшный, хотя и не колбаса: Соня забеременела, и ей срочно нужно было решить эту проблему, вот зачем она собрала консилиум из закадычных подруг, который обернулся перебранкой.

— Аборт — это страх и ужас. Он ударит по твоему здоровью! — Машка всплеснула руками. — И подумай... Нет, представь! Ты отнимаешь жизнь у человека. Ты же будешь убийцей!

— Старо предание, да верится с трудом, — Эллочка громко зевнула. — Все олдфаги и моралфаги трясутся над какой-то там жизнью. Я вижу тут только одну жизнь — тебя, Сонечка. У тебя есть мозги. Вот и думай мозгами.

— Думать надо было перед тем, как обрюхатеть! — Машка аж подпрыгнула в кресле.

— Ты сама что думаешь? — ласково спросила Эллочка Соню.

— Думаю, что мне капут от родаков, если узнают. Мама так и скажет, что думать надо было, и бла-бла. Учебный год не успел начаться, а я уже накосячила... Сейчас, конеш, полно шестнадцатилеток с дитём на руках, но я что-то не хочу пополнять их ряды. В общем, хз... — голос у неё оборвался. Эллочка положила свою руку на её.

— Кто папаша-то знаешь?

— Вроде знаю... Чел один. Старше меня. На вписке одной были, ну и там как-то само.

— Под чем были?

— Ни под чем. Просто пьяные. Всё как всегда.

— Вот эти «как всегда» так и кончаются! — вскипятилась Машка. — Все думают, что «как всегда» — это стабильность, думают, что всё контролируют, если всё «как всегда». А в итоге всем правит елда!

Соня с Эллочкой переглянулись и рассмеялись, как нашкодившие детки. Машка поглядела на них негодуя, но не выдержала и расхохоталась.

Отсмеявшись, отпили остывший чай, и Эллочка, взяв смартфон, чутко перенаправила беседу:

— Имя предполагаемого папаши помнишь? В друзьях у тебя есть?

— В друзьях нет, но я его страничку находила. Ещё до этого... Марк Буйда.

— Да ла-адно! — протянула Машка, выпучивая свои голубые глазищи. — Я его знаю. Чёткий пацан, с мозгами, работает. Как его угораздило?.. А ты не врешь? На какой это тусовке вы пересеклись, и почему нас там не было?

— Ну... позвали. Я вам писала. Вы чё-то отказались. Три недели назад.

— А-а, давнее дело, — оценила Эллочка, не отрываясь от смартфона. — Этот Марк, он как, при бабле?

— Это тут при чём? — прищурилась Машка, собираясь вступить в новый спор за честь и правое дело.

— Значит так. — Эллочка резко положила гаджет на стол, словно мамка, принявшая решение за бестолковых чад. Если уж она начинала говорить с металлом в голосе, то обычно ей никто не прекословил. Эллочка продолжила: — Напишешь этому Марку, что в положении, потребуешь денег. Как скинет, сделаешь аборт, тихо, без свидетелей. Но самая лучшая схема — сберечь немного баблишка. Знаю одних людей, они вообще задешево сделают по старым народным рецептам. Так и здорово меньше вреда, чем врачебной химозой травиться. За людей ручаюсь. Из первых рук знаю, что сделают всё красиво, ещё на «спасибо» бакшиш сверху положишь.

Машка сидела вся в багровых пятнах, тяжело дыша, и не мигая смотрела на Эллочку.

— Мари, только без нравоучений. — Эллочка обольстительно улыбнулась ей. — Я предлагаю, что делать, если Сонечка выберет аборт. Теперь ты предлагай, что делать, если оставлять пузо.

Машка вздохнула и отпила чай.

— Во-первых, — деловито начала она, — я думаю, что Марк, если отец всё-таки он, либо не поверит и не поведётся на развод денег, либо скажет оставить ребёнка. Во-вторых, нужно сказать родакам, что влюбилась и с парнем давно встречаешься... Нет-нет, стойте, — сорвалась она, потеряв прежнюю холодность. — Не так, не так! Надо сказать родите-

лям правду, и пусть хоть колотят, но примут. Я твою маму знаю, Сонь, она тебя не бросит и не станет по ушам драть. Всё поймет и смирится, точно говорю.

— Эта схема для святош. — Соня попыталась цинично и беспечно осклабиться. — А деньги бы не помешали.

— Это точно *ты* говоришь? — изумилась Машка. — Тогда ты не Сонечка-засонечка, а Соня-за-выгодой-погоня. Фу, короче!

— Не «фу», а здоровый рационализм. — Эллочка откинулась в кресле и выжидательно посмотрела на Соню. Эллочка была старше Машки и Сони и всегда словно бы пользовалась этим, давя на логику и сложные слова вроде «рационализм», но всё это выдавало в Эллочке чёрный нарциссизм.

— Мне нужно подумать, — сдержанно ответила Соня.

— Только не слишком долго, — ухмыльнулась Эллочка, — а то будет слишком поздно, и останется один выход — рожать.

— Дайте мне минут пять.

*А лучше закупоренную вечность.*

Соня запросто могла уйти в себя посреди урока или даже беседы. За эту рассеянность её и прозвали Сонечкой-засонечкой, за это её по-своему любили близкие. Они с этим мирились и не обижались, а вот не знакомые с нею считали это признаком лёгкого слабоумия. Но за это Соня, в свою очередь, не обижалась на чужаков. Мало ли что кому вздумается.

Соня поднялась и прошла к дивану у стены. Подруги понимающе защебетали, забыв о ней, — ей и нужно было того. Внимание Соню стесняло. Она забралась на диван с ногами, села на его широкую спинку, подобрав колени, как на подоконнике. Соне очень нравился ковёр, который у Машки висел в зале над этим самым диваном. Широкий, во всю стену, ковёр был старинный, с диковинным витиеватым орнаментом.

Соня очень любила, прижавшись к коврику, проследить дорожки его узоров и представлять себя бегущей по ним, как в лабиринте. Машка относилась спокойно к этой нездоровой страсти к коврику и даже предлагала подарить его Соне, но мама Машки, узнав об этом, естественно запретила. Ничего, даже лучше. От этого ковер казался запретным плодом и потому ещё более желанным и недосыгаемым, как золотое руно. Иногда Соня со стыдом думала, что ходит в гости не к Машке, а к этому золотому руно, и чувствовала себя древнегреческим аргонавтом.

О беременности не хотелось вспоминать. Соня вообще не верила, что такое могло случиться с ней, тихоней. Её всегда забавляли все эти истории про девчонок, забрюхатевших в шестнадцать, они казались неправдоподобными байками, которые взрослые рассказывали, чтобы

держат подростков в узде. И вот — на тебе, смейся, пожалуйста. Соня даже смеялась первые полчаса, когда узнала, а потом подумала, что это либо сон, либо какая-то шутка, и тест на беременность не настоящий. Но тогда, получается, все три теста были шуткой.

Соня прислушалась к разговору, ожидая, когда подруги включат музыку. Путешествие по узорам ковра не могло состояться без музыки. Любая музыка была чем-то вроде ключа, отпиравшего двери во внутреннюю, чувственную жизнь Сони. Через эти двери Соня надолго уходила в себя, мало что замечая вокруг. Музыка будто бы глушила посторонние звуки и мысли.

Но сегодня подруги не включали свои музыкальные плей-листы — видимо, потому что недавно поссорились, не сойдясь в музыкальных вкусах и сильно обругав друг друга.

Эллочка, как обычно, рассказывала историю из личного опыта. Ей было восемнадцать, она перешла в одиннадцатый класс и, несмотря на «великую» разницу в возрасте, дружила с ними. Соня и Машка учились в одном классе и дружили несмотря на контрастную разницу в характерах.

По сравнению с подругами Соня вправду казалась сонной. Эллочка была эдаким дьяволёнком — экспрессивной и экспансивной. Машка — эксцентричным бельчонком, несшим за собой длинный хвост из болтовни о чести и правде. Эллочка и Машка представляли, словно ангел и бес, да так и сидели по разные стороны от неё: Эллочка — слева, как истинный бес, а Машка — справа, как ангел небес.

Они снова громко рассмеялись. Соня поморщилась. Обернулась и подумала: ну какие из них ангел и бес? Сплошная романтика. Просто две дурёхи — вот кого она перед собой видела. Впрочем, нет, ведь тогда выходило, что и она дурёха, раз дружит с ними. Это её отец поголовно всех и каждого считал идиотами и называл «дохлыми кумекалками».

Соня желала вникнуть в истинную природу вещей, которая выражала бы их через какой-нибудь символ. Она читала где-то, что символ больше, чем что-либо, передаёт смысл вещей, и хотела научиться читать эти скрытые символы. Проблема была только в том, что к символам не прилагались ни алфавит, ни азбука, поэтому она училась читать сама, чувствуя себя инвалидом без костылей.

Соня пристальнее взгляделась в лица подруг, выискивая символы, посмотрела в окно напротив. Шёл дождь, и всё вокруг, даже эта комната, растворялось в каплях, безразличных к людским трудностям и спорам, и к доводам, преисполненным самолюбия, и к тусовкам, и к ранним беременностям. Это всё, что смогла разобрать Соня, прислушиваясь к природным символам. Она мысленно открыла окно и позволила

дождю затопить всю комнату. Голоса затихли за мерной дробью капель. Соня прикрыла глаза и, ничего не слыша, начала опускаться куда-то вниз, в себя, в бездну, где стояло благостное безмолвие.

## 2

В центре города сумерки всегда наступали позже, чем в остальных районах. Жизнь здесь не унималась даже с наступлением ночи. Всякий раз, как Соня оказывалась в центре города, она, открывая свою азбуку символов и отрешаясь от внешнего, старалась вчитаться во внутреннюю природу окружения. Вглядывалась в дома, особенно в старинные, — они, осколки ушедших эпох, образовывали зеркало прошлого. Она всматривалась в людей — в центре люди говорили громче, развязнее. Она вдыхала воздух — в центре воздух был крепкий, как самогон, и такой плотный, грязный, что все задыхались. И всё же отсюда не хотелось уезжать, центр города засасывал, вплетал всякого гостя в цепь случайных историй. Он был чарующе красив и губителен.

В этот раз Соня ощущала неприязнь к центру города сильнее, чем когда-либо. По наводке Элочки она приехала, чтобы купить волшебное зелье, исцеляющее от *бремени*. Эллочка сказала, что зелье будет стоить в пределах тысячи, по крайней мере, такую цену заплатила её знакомая, но посоветовала взять две тысячи — вдруг мадьяры, поставщики зелья, начнут торговаться. Соне пришлось перевернуть кубышку и достать денежную заначку.

Кто такие мадьяры, она загуглила запоздало, когда уже приехала в центр. Мадьяры были венграми. Она удивлённо спросила Эллочку по мессенджеру, что в их мелком городишке могли забыть венгры и с чего бы они стали толкать тут свои зелья. Эллочка ответила, что это были не просто венгры, а венгерские цыгане. Соня опешила.

Так центр затянул её в какую-то скверно пахнущую историю. Но Соня решила не сдаваться. «Начатое надо завершать», — всегда настаивал её папа.

GPS-карта привела её на улочку со сплошь заброшенными домами. Повыбитые окна щербато скалились, облупленная краска и трещины на стенах принимали очертания причудливых рож. Соня поёжилась и прибавила шаг, стараясь в кои-то веки не смотреть на вещи вокруг сквозь азбуку.

Нужный дом был запрятан за высоким стальным забором. Слева от забора протянулось ввысь многоэтажное здание. Будто старший бое-

вой товарищ, оно принимало на себя удар наружного мира, скрадывало шедшие оттуда звуки и отбивалось от лучей солнца, укрывая тенью ближайшие дома-коротышки. Поэтому в переулке было невероятно тихо и сумрачно.

Соня долго прочищала горло, а потом резко постучала в дверь, прорезанную в воротах. Открыли даже быстрее, чем она могла ожидать. Смуглый высокий мужичина со старомодными усами уставился на неё бесцветным взглядом из-под нависших бровей. Соня в свою очередь перепуганно уставилась на него, вцепившись в сумочку. Не сразу сообразила, что если не заговорит, то дверь закроется перед носом.

— Я к Наде, — не своим голосом сказала она.

Мужчина приглашающе отошёл в сторону. Соня несмело шагнула вперёд. За забором оказался не один, а два дома — сплюснутые, словно напиравшие друг на друга в бесплодной борьбе. По всему двору были развешаны фонарики наподобие ёлочной гирлянды, сплетавшиеся над головой в сеть. Соня почувствовала себя мухой, попавшей в разноцветную цыганскую паутину.

Под окном левого домика за столом сидели люди. Наряженные по-современному, а не как она представляла — в ярмарочные аляпистые одежды. Один цыган брэнчал на гитаре что-то быстрое, без слов. Кто-то курил, кто-то готовил на мангале шашлык, от запаха которого заурчало в животе.

Соня на ватных ногах, сгорбившись, засемила за мужчиной по деревянному настилу. Люди за столом не обратили на неё внимания.

Дверь располагалась сбоку правого дома и была распахнута настежь. Они прошли в прихожую, отдававшую духом общежития. Клеёнчатый пол был усеян кучей обуви и заляпан грязными следами. Соня невольно сравнивала себя с Алисой, попавшей в кроличью нору. Только она шла не за кроликом, а за гориллой, да к тому же с неохотой.

Не разуваясь, пошли по длинному коридору с тусклым освещением, в который выходили комнаты без дверей — вместо дверей висели домодельные занавески, и из-за каждой раздавались голоса, полные чувства.

Горилла подвёл её к третьей занавеске, расписанной красными ромбами. Соня тщательно запоминала весь путь, чтобы знать, куда бежать, если придётся выбираться бегом.

Комнатка, куда они зашли, напоминала поездное купе — настолько была маленькая. Оголённая лампочка, свисавшая с потолка, излучала кисло-жёлтый свет. Две кровати-кушетки у стен и низенький столик у окна — всё, чем была богата комнатка, не считая двух женщин, раскладывавших карты за столом.

Одна была в возрасте, дородная, с синим платком на голове, россыпью бус на груди, всё как подобает настоящей цыганке. Вторая — моложе, маленького роста, в джинсах и майке. Эта вторая встала из-за стола и яростно крикнула что-то мужчине на своём языке, а потом так же недобро обратилась к Соне по-русски:

— Тебе чего, незабудка?

— Я Надю ищу.

— Надя я.

— Я за... за средством от беременности, — увереннее отчеканила Соня.

Надя опять что-то крикнула горилле, и тот вышел, пригибаясь, чтобы уместиться в дверной проём. Надя сверкнула на неё янтарными очами и спросила:

— Какой срок?

— Почти две недели.

— Две тысячи, — без запинки ответила Надя.

Соня сглотнула. Она надеялась сохранить хоть немного денег.

— Сначала принесите товар. — Соня выпрямилась.

— А незабудка не дура, — одобрительно отозвалась Надя и вышла из комнаты.

— Какая же из тебя незабудка? — Тёмные, как порок, глаза вперились в Соню, жадно прощупывая её с ног до головы. Старуха не выпускала из рук карт и как будто читала по ним Соню. У неё была своя азбука.

— Тонкая шея, маленькая голова и большие глаза, — констатировала старуха. — Ты змеядка. Знаешь птицу такую — змеяда? Она кормит своих детей змеями. Учит их быть хищниками. А с виду птица невеликого нрава. Вот с тобой так же. Отец-то ребёнка знает про твоё решение?

— Он даже не верит, что стал отцом. Говорит, что никогда меня не видел, — как на духу выпалила Соня, сгорая от стыда.

Старуха перетасовала карты. Из соседней комнаты неслась волнующая скрипка, взвинченная и немного грустная. Соне мелодия понравилась до того, что даже кольнуло сердце, и захотелось уткнуться этой бабке в грудь, зареветь белугой.

Старуха вытащила одну карту на стол и сказала:

— Приди-ка ты лучше к отцу ребёнка лично и убеди. Он не откажется. Ты его полонишь честностью.

Соне стало интересно — это цыганка узнала из своей карточной азбуки?

— Ты не думай, это не гадание, — прояснила старуха. — Мы не гадаем. Это у романий и проча принято. А это так, пасьянс. Откажись сейчас от снадобья, не постесняйся. А завтра же к папашке сходи.

Она шельмовато подмигнула Соне, смахнув последние крохи тревоги с её перетрухнувшего сердца. Вернулась Надя.

— Два варианта у тебя есть, — с акцентом сказала она. — Один: купить средство. Два: родить и продать нам ребёнка.

Кровь схлынула с лица Сони.

— Что же ты так сразу, Надья? — мягко упрекнула старуха. — Она ещё сама ребёнок. И у русских так прямо не принято. — И, повернувшись к Соне, повторила: — Ты, змеядка, сходи к отцу, сходи, переговори. Потом уже, как придётся, вернёшься к нам. За ценой ребёнка мы не постоим.

Надя разразилась протестующим лаем на своём родном. Старуха кивнула Соне, намекая, чтобы та ушла. В комнате уже появился знакомый мужчина-горилла. Надя продолжала ругаться. Ей, как видно, не понравились слова старухи.

— Когда к нам вернёшься, не думай, что делаешь что-то ужасное. — Старуха выложила ещё одну карту. — К нам многие идут. И детей мы закаляем, как змеяды, но ласки не лишим. Как своих воспитываем.

Уходила Соня под то же разноголосие, спаянное повеселевшей звонкой скрипкой.

В голове непрестанно крутилась одна мысль: почему старуха сказала «когда вернёшься», а не «если»? Откуда она могла знать наперёд, если только не прибегала к цыганской азбуке, что Соня вернётся к ним да ещё за такой непотребной услугой? Продать ребёнка. Немыслимо. Нет, тогда уж лучше убить.

### 3

Сколько пр---ошло? Минут десять? Лет двадцать? И сколько проскочило мыслей за то время, пока Соня стояла у лакированной двери? Она никак не могла решиться постучать. Даже удивительно, как это хозяин квартиры до сих пор не услышал, что кто-то стоит прямо за дверью и упорно пыхтит.

Соня задержала дыхание и несмело постучала. Дверь открылась тут же, как будто хозяин точно так же затаился с той стороны и сам только и ждал её стука.

— Заходи, — сухо скомандовал Марк.

Его лицо, вытянутое книзу, как наконечник стрелы, имело серьёзный и вдумчивый вид. Волосы до плеч были стянуты в хвост. Соня не успела ничего сказать, как он опять начал командовать:

— Повесь куртку на крючок на стене. Вот тут, да. Разувайся и проходи в ванную. Там пять тестов. Пройдёшь их все.

— Пять тестов на беременность?! — не удержалась Соня. Она хотела выглядеть взросло, но губы задрожали, на лбу выступила испарина, голос дрожал. — Пять тестов? Правда?

— А ты одним отделалась? Уверена, что беременна вообще?

— Я прошла три, так что... уверена.

— А звучит неуверенно. Зато после пяти будешь абсолютно уверена. И я тоже. Уверенность — залог доверия.

— И чё, ты думаешь, за один раз можно пройти пять тестов? — чуть не переходя на крик, верещала Соня. — Один тест — это один поход в туалет, если ты не знал.

— А ты после двух тестов уже всё знаешь? Ну, сходишь пять раз. Воды, чая, сока, всего хватит на пять раз. Как раз потолкуем, пока будешь пить. Давай, проходи. Туалет прямо тут — справа, вторая дверь. Тесты на полке найдёшь.

Соня закусила губу. Она чувствовала себя такой же глупой и ужасной, как если бы её распекала мать, за то что явилась домой слишком поздно, да ещё не очень трезвая. На такие случаи Соня сумела выработать в себе ценнейший навык — максимально абстрагироваться от происходящего. Она как бы разделялась на две половинки: одна половинка, та, которую ругали, всё время молчала, понуриив голову и смиренно выслушивая попреки. Другая половинка, внутренняя, невидимая, делала шаг в сторону от первой, скрещивала руки на груди и с едкой усмешкой глядела на мать, корча рожицы. В это время Соня всегда чувствовала, будто всё происходит во сне, и обливают укоризной не её, а кого-то другого — безвольного и тихого, пока она стоит рядом и смотрит на это действие, как на сцену в театре. Не очень приятное ощущение — будто ты не в своём теле, — но только так можно было вынести укоризненное неодобрение и защититься от мысли, что она выросла «моральным уродцем».

То же самое чувство отчужденности Соня хотела испытать и сейчас, но её половинки не захотели отделяться. Видимо, они привыкли делать это только под словесными ударами мамы.

Когда первый тест показал положительный результат, Марк молча поставил чайник, так же молча указал ей на стул за маленьким столом на кухне. Соня села, не зная, как себя вести, почёсывая ладони под столом. Марк поставил перед ней кружку с водой и сел напротив. Соня ухватилась за кружку и начала пить, оценивая обстановку.

Кухонька была маленькая, с пластиковой дверью на балкон. Сверкающая, чуть ли не отполированная, будто недавно отделанная, с алым

глянцевитым гарнитуром. Такой чистоты нельзя было найти даже у Сони дома. Это точно квартира парня?

Минут через десять непрерывного молчания Соня попросилась в туалет. Марк просто кивнул. Он сидел со скорбной миной, делавшей его лицо ещё более длинным, облокотившись на стол и приложив палец к губам.

Когда Соня вернулась, он сидел всё в той же позе, но её кружка уже была наполнена чаем с молоком. Даже не спросил, пьёт она чай с молоком или с сахаром...

Она бросила тест с двумя полосками на стол. Постаралась, чтобы жест вышел небрежный. Такой же небрежный, как показное безразличие Марка. Он едва глянул на пластмассовый стебелёк. Даже не отпрянул, хотя это было так негигиенично — класть эдакую пакость на обеденный стол! Впрочем, так бы скорее сказала Машка... Соня села, уткнулась в кружку и тяжело вздохнула.

— Ты же должна понимать, почему я так осторожен. Меня уже обманывали. И я повёлся. Оба раза оплатил аборт, но никаких беременностей не было, как я узнал потом. В этот раз хочу быть уверенным. По-моему, здоровое желание, нет?

Соня еле заметно кивнула, не сводя гипнотизирующего взгляда с кружки и чая, плескавшегося меж её стенок. В бежево-молочной жидкости отражалась люстра, и этот вид кружки-колодца со светом, утопшим в нём, отчего-то сильно заинтересовал Соню, почти полностью поглотил.

Очнулась только когда Марк взял её кружку, чтобы наполнить заново. Посмотрев на него полусонным недоумевающим взором, Соня вздрогнула. На одно мгновение Марк показался ей похожим на цыгана из-за его смуглой кожи и чёрных глаз. Может, на какую-то часть кровь в его жилах была цыганской... Обдумать это она не успела, юркнув в туалет.

Три теста уже лежали ровным рядом, словно насечные палочки, которые заключённые чертят на стенах камеры.

— Как отнеслись твои родители?

— А я им не говорила, — не поднимая глаз, отвечала Соня.

— Зря. Родители всегда знают, что делать. Тем более в твоём возрасте...

— Сама разберусь. Я-то их лучше знаю, они же мои родители, — ощетинулась Соня, чувствуя, как в комнате стало очень жарко.

— Ты сама что думаешь по поводу своего положения?

— Ну... — Соня вздохнула и приосанилась, чтобы голос звучал смелее, а слова казались умными и убедительными. — Аборт — это, конечно,

грех. Это ужасно, ведь я в любом случае убью жизнь. А эта жизнь могла бы расти и развиваться. Меня тоже могли убить так же. Или тебя.

Марк нахмурился. Соня надеялась, что произвела достойное впечатление.

— Так ты хочешь оставить ребёнка? — спросил он.

— Ну, если бы у меня был выбор... Ну то есть если бы родители были «за» и если бы были деньги и всё такое... То, наверное... Я бы оставила.

— Но если твои родители не знают, как они могут быть «против» или «за»? Ты в первую очередь их лишаешь выбора, а не себя. Значит, ты уже всё решила.

Соня ущипнула левую ладонь и попыталась раздвоиться, но безуспешно.

— А ты... что ты думаешь по этому поводу? — неуверенно спросила она. — Ты бы хотел ребёнка?

— Неправильная формулировка. Вопрос не в том, хочу ли я ребёнка, а в том, хочу ли я *этого* ребёнка. И хочешь ли его ты. Это надо решить обоюдно. Ты бы хотела его оставить, если бы было можно? Только честно.

— Да, — неожиданно для себя ответила Соня и моргнула. — А ты... хотел бы?

— Аборт не грех. Но пользы явно не несёт. С тебя ещё два теста. — Он встал и молча прошёл на балкон.

Соня начала злиться. К ней явно относились с пренебрежением и презрением. Так часто вели себя старшки в школе и на тусовках. До первой рюмки. Всё до первой рюмки. Это Соня хорошо усвоила. Все верны своим убеждениям только до первой рюмки.

Хоть Соня посчитала это высшей глупостью, она всё равно пошла прикончить оставшиеся тесты. Вбил же он себе в голову эти пять тестов! От такого упёртого мужлана не то что детей, никаких комплиментов не захочешь услышать в свой адрес.

Когда она пришла с четвертым тестом, Марк стоял на балконе. Оттуда раздавалась музыка — видимо, включил на телефоне. Песня была медленная и тёмная, шуршала, как юбки траурного платья. Это сравнение так запало Соне в голову, что она начала представлять струящееся платье с длинным шлейфом.

— Что за группа? — заворожённо спросила Соня, когда Марк зашёл с балкона.

— «Massive attack».

— «Массивная атака», — неуверенно перевела Соня. Невольно усмехнувшись, спросила: — Кого атакуют?

— Слушателей, — улыбнулся Марк.

— То есть нас с тобой? — хихикнула Соня. — «Атака мыслями» — так им надо было назваться.

— Или решениями, — посерьёзнев, вздохнул Марк и выключил музыку.

Соню захватили отчаяние и грусть. Молчание и неопределённость — вот что он налил ей в кружку вместе с водой в этот раз. Она уже собралась пойти расправиться с тестами, чтобы скорее сбежать отсюда, но Марк внезапно скомандовал:

— Стой. Не ходи никуда. Всё и так ясно. Я решил. Деньги найдём. Будешь рожать.

## Часть 2

### I

Объясниться с родителями оказалось не так легко. Отцу Соня решила ничего не говорить и мысленно послала его подальше. Она таила от друзей, что он ушёл из семьи год назад. Соня не считала себя виноватой, но уход папы без видимой причины отпечатался роковым штампом, распиской в неполноценности их семейного быта, а значит, в маме и в самой Соне.

Спустя месяц она всё же набралась смелости, чтобы признаться маме в беременности, но та и сама догадалась. Потребовала перестать травить её ерундятиной о подростковых гормонах, которые якобы явились причиной бесконечной беготни в туалет и внешних изменений, хоть и тщательно скрывааемых под толстовкой. Когда мама разгневанно потребовала сказать правду, Соня сдалась — виновато опустила глаза в пол.

Мама несдержанно ругалась, бессмысленно размахивая руками, за чем-то садясь на стул и тут же вставая. Эта сцена происходила в зале. Соня притупленно молчала, оттягивая рукава толстовки. Она так бы и стояла до конца сцены, но пришлось импровизировать, потому что мама повела себя не так, как было задумано по проигранному в голове сценарию.

Мама начала звонить отцу, и в этот момент Соня с глухим мычанием кинулась к ней, чтобы вырвать трубку. Мама, хоть и была застигнута врасплох, в телефон вцепилась крепко. После минутной борьбы,

сдавленных криков и пыхтения Соня всё же отобрала телефон и отменила вызов. Грозно прошипела, что уйдёт из дома, если отец узнает.

— Оntax и так узнает. Если дочь — идиотка пришибленная, это видят все.

От неожиданности сказанного матерью Соня перестала дышать, ослабила хватку, и мама вырвала телефон. За окном налилось спелое осеннее солнце, и Соня перевела взгляд на него, надеясь ослепнуть. Мама что-то говорила про «дурачка-женишка», но Соня толком не слушала. Солнце не ослепило её, но наворачнувшихся слёз было достаточно, чтобы всё вокруг плыло, как во хмелю.

В тот же вечер мама доложила о «грехах дочери» кому-то по телефону (может, и не папе, но Соня решила, что непременно ему), поэтому Соня сдержала обещание и сбежала из дома. Сначала думала податься к Эллочке, но под наплывом чувств написала Марку, и он сам предложил остаться у него.

Они переписывались весь этот месяц, обсуждали, как быть дальше. Всегда сводилось к одному, точнее Марк сводил к одному — сказать родителям, оставить ребёнка.

Вот и сказала, вот и сделала, как советовал, — получи, распишись. Соня хотела выплеснуть ему обвинения прямо с порога, но вместо этого разрыдалась и от невыносимого напряжения быстро заснула в кресле, не дождавшись, когда Марк принесёт чай. Ему не нужно было никаких подробностей, он как будто смирился с положением и с самого начала готов был принять Соню у себя. Непонятно только, в каком статусе, но этот нюанс, похоже, волновал только её.

Следующим утром Соня проснулась у него в квартире в том же кресле, потерянная, с головной болью, как с похмелья. С трудом вникла, где оказалась.

Перед ней замаячил Марк, его смуглое лицо и мглистые глаза, такие же чёрные, как волосы. Всё в нём отдавало цыганщиной, и Соня спросонья перепугалась, что её похитили мадьяры.

— Если захочешь поесть, хавка на кухне. Я на работу. Вечером вернусь. Входную дверь закрою, так что если кто зайдёт, меня нет. В общем, чувствуй себя как дома, — отрывисто, с расстановкой военного командира Марк обозначил план действий.

Соня толком не отошла ото сна, и всё ощущалось каким-то бессвязным, нереальным. Но как только входная дверь хлопнула, Соня вскочила с места. Всё в ней отозвалось страхом и смятением.

Она решила, что Марк — точно мадьяр, и всё это какой-то заговор, её сюда заманили, как маленькую Гретель сманил пряничный домик, и теперь страшная ведьма в юношеском облике будет держать её здесь



взаперти. И совсем не как в сказке, но как в беспощадной сводке новостей об очередной жертве маньяка, над ней здесь будут измываться, привяжут к батарее, и...

Соня с ужасом вцепилась в волосы. Ей срочно нужно было подышать свежим воздухом. Подбежала к пластиковому окну, распахнула.

Октябрьская прель обдала холодом, остудив жар. Потихоньку вернулось здравомыслие. Соня рассуждала так: если бы её заключили здесь как заложницу, то окно точно бы закрыли. Да ко всему прочему она ведь беременна, и поссорилась с матерью, и сама пришла...

Начала шарить по карманам джинсов, вспомнила, что оставила смартфон на подоконнике этого самого окна. Там же и нашла. От матери уже прилетел рой звонков и взволнованных смс. «Вернись домой! Отцу не скажу!!! Дочь ты мне или как???»

Окинув всю ситуацию трезвым оком, Соня поняла, как глупо себя вела. Да и какая ей беременность? Какая из неё мать, если она даже папашу не знает толком?

Она уже решила было позвонить матери, сказать, что всё в порядке, но быстро одумалась. Школу пропустит. «Поболает», пока не решит, как быть дальше. Что придётся рожать — уже наверняка, а вот как быть с мамой?..

Соня двинулась обследовать обстановку. Однокомнатная квартира. Не шибко просторная спальня с непривычным, строгим расположением мебели: широкая кровать напротив раздвижного шкафа-купе, кресло напротив маленькой плазмы на стене, книжной полки и тумбы. Комната была как бы поделена на две части — спальню и зал, будто её пытались зрительно расширить.

Обои — чёрно-белые, с шахматным рисунком. Даже диван и плед на кровати были чёрно-белых цветов. Словно здесь жил дальтоник или кто-то со скупым воображением.

Встав у окна, она решила прощупать комнату с помощью азбуки и найти стратегически самое выгодное место. Такое место было и у неё дома на кухне, где приходилось сталкиваться с родителями и их нравоучительными наставлениями. Там Соня обычно сидела спиной к холодильнику, сильно съехав на стуле под стол, пытаясь скрыться от ругани матери за плохие оценки или от поучений отца о том, как надо жить.

Соня закрыла глаза, сделала три глубоких вдоха. Открыв глаза, раскрыла и азбуку. Шахматные обои плавилась, их рисунок колебался и тёк, как ток. Комната казалась донельзя серой, невыносимо однотонной, угрюмой, точно кто-то выпил все краски. Комната вибрировала, будто дышала. Воздух был разреженным, словно хозяин обустроил

своё логовище на вершине заснеженной горы, одинокой, но такой высокой, что с неё можно обозревать и всякое существо, и всякую мысль. Из неведомых недр, словно комната напевала себе под нос, неслась тонкая скрипка, несколько тревожная, взвинченная. Но эту музыку Соня приписала своим впечатлениям. Слишком долгое погружение в азбуку иногда уводило от истины в глубь собственных ощущений.

Соня вновь закрыла и открыла глаза. Улыбнулась. С азбукой всё становилось понятным и прозрачным, как стекло. Порой Соня думала, что азбука — не что иное, как чистая фантазия или даже признак ненормальности, но ни на что не променяла бы эту ненормальность.

Соня подошла к окну. На подоконнике, она смогла увидеть, было лучшее, стратегически наивыгоднейшее место — лучший угол обзора на всю комнату и на улицу. Если ей придётся здесь задержаться (а азбука подсказывала, что шахматная комната натурально засасывает её), то на подоконнике было самое подходящее место, чтобы вести разговор. Не то же, что сидеть на диване у расписного ковра Машки, но сойдёт.

Устроив обыск на кухне — такой же аккуратно вычищенной, контрастно алой, как и в прошлый раз, — Соня нашла в холодильнике жареное мясо, пюре и даже суп. Она бы никогда не подумала, что пацан, тем более такой заядлый пати-любитель, умеет готовить.

Постеснявшись, Соня решила ничего не есть, только включила электрический чайник. Она здесь на птичьих правах, не пристало ей обирать хозяина. Пока пила чай, написала одноклассникам, что болеет. Машке расписала все недавние злоключения.

На ум непроизвольно приходили картинки совместной жизни с Марком. Как же она будет с ним уживаться? Каково вообще жить с кем-то противоположного пола, да ещё и неродным? Придётся делить одну комнату, одну кухню, одну ванную... От всех этих мыслей покорило.

Как-то незаметно в раздумьях и сомнениях, под мерное прихлёбывание чая Соня провела почти весь день.

В шесть часов (Соня засекала время) затрещал ключ, поворачиваемый в замке, и входная дверь медленно отворилась, явив хозяина.

Когда Марк устало ввалился на кухню, Соня от неожиданности ляпнула: — Кем ты работаешь?

— Куафёром, — ничуть не смутившись, ответил Марк и, заметив её недоумение, добавил: — Цирюльником, если так понятнее.

— Парикмахером, что ли?

— Парикмахер — это тот, кто парики делает. А я делаю стрижки в барбер-шопе. — Он сел за стол напротив. — Ты ничего не ела, — заключил без видимого удивления.

Соня вдруг спохватилась, кинулась к холодильнику, достала еду, начала разогревать. Человек после работы. Явно вымотался, каким бы там «кефиром» ни работал.

Вместе со вкусным запахом разогреваемой пищи по кухне понёсся запах бытовщины. Тем же плоским голосом, что и утром, Марк начал сеять:

— Тебе надо будет встать на учёт в поликлинике. Если хочешь, можешь пойти в ближайшую от меня, чем мотаться в свой район. С матерью нужно помириться. Когда станет совсем трудно ходить в школу, запишем тебя на домашнее обучение. Мать должна будет написать заявление, без неё никак. Да и вообще никак без родителей.

— Отец всё равно не должен знать... — бессильно сказала Соня. Ей стало дурно.

— Но без матери никак нельзя.

— Я помирюсь, — поддакнула Соня, как ребёнок, и села, подав Марку тарелку с разогретой едой.

— Ты тоже ешь, не стесняйся. Тебе нужно.

Сделав вид, что пропустила мимо ушей, Соня спросила:

— А где твои родители?

— Умерли, когда я был мелкий. Как в типичном фильме. Автокатастрофа. Тётя заменила мне мать. А потом сама умерла.

— И что?.. Мы теперь будем жить вместе? — Соня смущённо отпила из кружки.

— Если хочешь, можешь вернуться домой. Если хочешь, оставайся здесь. Я тебя не гоню.

— А где мне... спать?

— У меня одна кровать. Будем как старые супруги. Если боишься за свою... уже попорченную честь, то я не собираюсь тебя трогать. Если сама не попросишь. — Глаза, острые как два кинжала, пронзили Соню насквозь. Она потупила взор. Это походило на какой-то тест с подвохом. И как всегда, у неё не было под рукой ответов, и списать не у кого.

— Вообще по поводу тусовок, — бодро продолжил Марк. — Всё зависит целиком от тебя. Хочешь гостевой брак или, как это называют, свободных отношений?

— Я не знаю... Это твоё дело.

— Все так говорят. До первого адюльтера. — В этот раз, видя недоумённый вид Сони, не добавил пояснения к непонятному слову. Только поднялся, поставил грязную тарелку в раковину и вышел.

— Тебе дать что-нибудь вместо пижамы? — выкрикнул Марк из зала.

— Да, — как можно увереннее ответила Соня.

— Не забудь поесть. Это обязательно.

«Хорошо, мам», — чуть не проронила Соня. Но Марк не был похож ни на отца, ни даже на супруга. Разве что на спрута, если уж подбирать на «с».

Марк оказался добросовестным парнем. За всю ночь не тронул Соню, и она на удивление хорошо спала на новом месте. Влияние беременности?

Утром завела будильник на пораньше, чтобы сбежать домой за вещами. Точно рассчитала, что мама в это время должна быть на работе, и оказалась права.

Соня наскоро позавтракала дома — у Марка так и не отважилась притронуться к пище. Собрала учебники, взяла кое-какую одежду. Уже собралась бежать в школу, когда к горлу подкатила тошнота, пришлось заглянуть в туалет. Её и до этого выворачивало, но не так резко — как будто кто-то со всей дури зарядил кулаком под дых. А она всегда думала, что все эти симптомы беременности наблюдаются не у каждой. Интересно, как беременность переживала мама?.. И как к этому отнёсся отец? С той же чёрствой серьёзностью и взвешенной ответственностью что Марк?

Умываясь, Соня решила оставить какое-никакое напоминание о себе. Мать всё-таки переживала. Как будущая детница, Соня могла её понять. Начертала на записку: «Пока живу у парня. Со мной всё норм. Соня». Как-то грубовато вышло, как будто Соня только вышла за хлебом, но она не стала раздумывать долго.

В тот же день хотела сходить в поликлинику, но решила, что школа важнее. С горечью призналась себе, что ей было страшно. Как она покажется гинекологу? Её же отчитают, осудят. С ней так уже было, когда она пришла к женских дел доктору и призналась, что уже была не «девочкой». Полногрудая тётка присвистнула и с укоризной выдала мини-проповедь о нечистоплотности современных нравов.

Эллочка признавалась, что в свой первый раз шла к гинекологу, как победительница, словно с военным трофеем — потерянной невинностью. Доктор не оценил трофей, но Эллочка почувствовала, что с ней отныне общаются на равных. Впрочем, Эллочка подавала себя так, что к ней было сложно обратиться без должного пиетета.

Соня решила отложить квест «Постановка на учёт» на потом. Время всё равно не торопило, и ни одноклассники, ни учителя ничего не замечали.

Вечером она отчиталась перед Марком — соврала, что помирилась с матерью. Уж врать-то Соня умела. Нехитрое дело: берёшь выдумку, обжариваешь до съедобности, посыпаешь щепоткой правды. И ву-а-ля! — такая аппетитная ложь, что пальчики оближешь и сам смаковать будешь.

— Значит, мама со всем смирилась? — спросил Марк за ужином. — Сильно кричала?

— Ну... Средне. Сначала наорала, потом, как всегда, помирились, обнялись. Я ей не сказала, где ты живёшь. Попозже как-нибудь. Вообще я говорила, что пора уже начинать жить самой, в общем, кидала аргументы как могла.

— И что ты ей про меня сказала?

— Ну... Я когда маме что-нибудь рассказываю, то она всё оценивает. Я типа как в шоу-танцах, и мой танец оценивает строгое жюри — мама. Высший балл — это мама улыбается и ничего не говорит. Семь-восемь баллов — это она с одобрением говорит «а вот это хорошо» или «вот так надо делать». Средний балл — она искривляет одну бровь типа «ты правда веришь в эту ахинею?». А если всё совсем плохо, то она орёт или отчитывает. — Теперь надо поперчить правду выдумкой: — Тебя мама оценила где-то на восемь. Сказала: «Вот видишь, какой хороший мальчик. В школе бы так хорошо училась, как толковых парней находишь!».

— Хм-м. Интересное сравнение с танцевальным шоу и жюри.

Соня выдохнула, проглотила макаронину, с усилием подавив позыв тошноты. Она не думала, что Марка так же легко обмануть, как учителя, ведь вокруг него клубился ореол пронизательности. Азбука выплёвывала его имя именно на букве «п». «Прорицатель», — решила Соня вчера. «Простофиля», — ныне подумала она с воодушевлением, чувствуя, что по части вральных рассказней ему за ней не угнаться.

«За ложь всегда надо расплачиваться горькой правдой», — любил приговаривать папа. Впервые он выдал эту фразу, когда Соня маленькой девочкой совершила первую глупость. В пятилетнем возрасте она доказывала, что к ней по ночам приходит солнце. Всем ночью светит загробная, как эпитафия, луна, а Соне светит солнышко, раскалённое, как вешняя заря. Мама улыбнулась, когда она ей это рассказала, но отец был суров, как карающий закон. Он долго вдалбливал в Соню «правду» — что она всё это выдумала, что нельзя путать фантазию с действительностью. Тогда Соня по наставлению мамы отреклась от солнца, смиренно сказала отцу, что всё выдумала. Он и провозгласил в ответ: «За ложь надо всегда расплачиваться горькой правдой».

С годами Соня поняла, что можно расплачиваться не правдой, а новой выдумкой. С Марком, однако, вышло иначе.

В воскресенье, через неделю после того, как она поселилась у него, ему выпал один из плавающих выходных. Соня, наконец, могла узнать, как Марк скрашивает выходной досуг.

Она проснулась поздно и нашла Марка на кухне за столом, записывающим нечто важное в синий потёртый ежедневник. Настолько важное,

что Марк ещё даже не завтракал, а уже записывал. Он с прищуром вглядывался в собственные строчки через толстые очки. Дальнзоркость — решила про себя Соня и осторожно присела напротив.

— Я записываю сон, — ответил Марк на незаданный вопрос. — Ты когда-нибудь думала, что означают твои сны?

— Конечно.

Марк окинул её беглым взглядом.

— Ну они много чего означают, — попыталась объяснить Соня. — Это типа параллельная реальность. Некоторые предсказывают будущее по снам, и я знаю, что через сон можно выйти в астрал. Я даже где-то слышала, что это источник божественного откровения...

— Это первобытное представление о снах. Отголосок мистической сопричастности, веры в чудеса и потайной, магический смысл всего вокруг, — отрезал Марк, снимая очки. — Сновидение — это только твоя реальность, выстроенная твоим подсознанием. Функция сновидения — исполнить желание, которое ты можешь не осознавать и которое ты не можешь выполнить в реальности. Даже кошмары — это закопанные желания, исполнения которых человек жаждет, но боится себе признаться в этом. Ты когда-нибудь слышала про Фрейда?

Соня мотнула головой. Марк разочарованно вздохнул.

— Фрейд — основатель психоанализа. И он был первый, кто начал объяснять природу сновидения и его механизм. Он дал трактовку куче символов, которые человек видит во сне, — Марк сделал паузу, осмотрел свои записи. — Я записываю свои сны, чтобы потом трактовать их, — и принялся перечитывать.

Соня смущённо кивнула и решила приготовить завтрак, чтобы как-то занять себя и оправдать своё существование здесь. С той же целью, стыдясь своего иждивенческого положения, она пару раз прибиралась в квартире и пыталась готовить. Ещё у мамы выучилась мастерски готовить мамалыгу, но на одном блюде не продержишься. Гречка пока выходила немного пересоленной, а макароны недоваренными, но Марк не жаловался.

— Давай попробуем трактовать твоё сновидение, — неожиданно предложил он, и Соня удивлённо опустила на стул. — Всё просто. Ты рассказываешь мне свой сон, я записываю, потом мы объясняем значение. О'кей? Просто припомни свой последний сон и начинай рассказывать всё, что помнишь. Не обязательно рассказывать полностью, просто описывай картинку, которые встают перед глазами.

Соня неуверенно кивнула и начала вылавливать образы с поверхности памяти:

— Сегодня снился какой-то танцпол. Типа клуб. Но не как в реальности. Я не знаю такого клуба, короче. Там были колонны и весь зал был круглый, как арена. И вот по краям были эти колонны. Они были жёлтые, а стены синие вроде. И всё выглядело так, как будто вокруг был лес из колонн, а за лесом сумерки. Там была музыка, и устроили конкурс танцев. А я была в жюри. На танцпол вышла кобыла.

— Кобыла? Именно самка?

— Да... Не знаю, но мне кажется, это была лошадь. Она была пегая, с коричневыми пятнами, как на корове.

— Хм-м. И ты оценивала танец этой кобылы?

— Да, я была в жюри. Она чёта станцевала. Но я не помню, что. Потом я её оценивала. Я поставила один балл и сказала типа «так нельзя себя вести». Лошадь встала на дыбы и начала спорить со мной. Я сказала, что она лгунья, что она нигде не училась танцам и что ей надо валить домой. Лошадь была в ярости, но потом сказала типа: «Всё норм, я не в обиде».

Марк оторвался от записей и уставился на Сою увеличенными из-за очков глазами.

— Я каким-то образом оказалась прямо перед кобылой, а до этого сидела на трибунах. Кобыла как будто притянула меня магнитом, я просто выросла перед ней на этой арене. Она подбежала ко мне, встала на дыбы, и я думала, что она убьёт меня. Но тут она села наземь и пригласила забраться ей на спину. Сказала, что отвезёт домой. Я забралась. Там ещё играла музыка. Какой-то марш... У меня отец любил военные марши. Хотя это неважно. Это не весь сон. Было ещё что-то до того, но это всё, что я помню...

Марк молчал, взгляд у него был отрешённый — вид нездешнего странника, ушедшего в себя.

— Ты соврала, — резко оборвал Марк. — Ты сказала, что рассказала матери обо мне и вы помирились. Но ты соврала.

Соня обмерла. Яичница шкворчала и шипела на сковородке, требуя выключить огонь, но Соня забыла, как двигаться.

— Это явный перенос с инверсией, — всезнающе выложил Марк, затем поднялся, выключил плиту, вышел. Вернулся. Это напоминало метание буйного зверя по клетке. — Так ты просто не сказала матери? Или вы поругались? Скажи честно, я же не побью тебя.

— Я просто... Да, я не сказала ей. Ну то есть... Я написала записку, когда забегала домой.

— Значит, мама не в курсе, где ты сейчас, и ты не знаешь, как она отнесётся к тому, что ты живёшь со мной?

Соня вжала голову в плечи.

— Ты понимаешь, что не сможешь долго скрываться? Я бы на месте твоей матери уже пришёл в школу, как-нибудь выловил бы тебя. Но ты должна благодарить её. У неё, наверное, необъятное терпение. Или ты веришь, что умнее её?

Соня отрицательно замотала головой. Может, Марк не кричал как мама, но давил морально как папа.

— Я больше так не буду, — тихо прошептала Соня.

Марк громко рассмеялся:

— Нет, сказать честно? — глаза его горели, как две кометы, а Соня всегда думала, что падающие звёзды, кометы и метеоры по силе сравнимы с атомной бомбой.

— Значит, скажу честно, — возбуждённо продолжил Марк. — Я всё-таки не ожидал. Не то что не ожидал, что ты не умеешь врать, а то, что ты сумеешь меня обмануть. Как это я не распознал ложь? Тут же всё было проще, чем дважды два! Натурально утёрла нос. Я недооценил. Тут есть над чем подумать.

Если бы мог, Марк уже точно прожёл бы в ней дыру своим кометным взглядом. Двести дыр. Он сжал челюсти, взял её под руку и, как провинившегося ребёнка, повёл под локоть в спальню. Соня сглотнула, боясь представить, что будет дальше.

Кровать прошли мимо. Соня незаметно выдохнула. Марк подвёл её к картонной картине, висевшей над креслом.

— Ты присматривалась к этой картине?

— Если честно, нет.

— Теперь присмотришься. Что ты видишь?

— Это женщина, которая... нюхает... мужские гениталии? Типа какая-то издёвка над женским полом?

— Это типа «Великий мастурбатор» Сальвадора Дали. Слышала про такого художника?

— Его зовут великий мастурбатор?

— Это название картины, а художник — Сальвадор Дали. Я так и знал, что не слышала. Здесь нет никакой издёвки, только глубокая символика. Видишь — фигура женщины перетекает в профиль лица с закрытым глазом? Это спящий. Так что, по-твоему, изображает картина?

— То, что ему снится? Сон спящего?

— Дали был поклонником психоанализа, и многие его работы — это попытка анализировать себя и своё бессознательное. Эта картина насквозь нашпигована логичными символами, но вместе они создают нечто сумасшедшее. Они изображают сновидение, нелогичное, но связанное.

Марк говорил страстно, с волнением, как если бы давно жаждал излить поток мыслей, не дававших ему покоя долгое время.

— В твоём сне, — продолжал лектор с энтузиазмом, — в твоём сне ожидаемо, что кобыла олицетворяла мать, а всю обстановку с танцполом ты мне сама трактовала, когда выдала ассоциацию. Чем в итоге закончился сон? Ты села на кобылу и проскакала по танцполу?

— А-а, я не дорассказала... Я просто села на лошадь, и мы поехали к колоннам. Колонны превратились в деревья. И мы уехали в чёрный лес. А потом я проснулась.

— Очень типично. Сновидение выполнило функцию. Ты пришла к компромиссу со своей матерью, как и хотела. И не только по поводу её обиды и твоего страха перед ней и передо мной за то, что соврала. Лес — это выражение бессознательного, потаённого желания выпустить запруженное либидо. Символично, что выпустить его тебе помогает мать, которая сама ставила запреты. И марш там не случайно прозвучал. Отец как бы согласен с таким исходом. Ты запросто уносишься в лес, который до этого был страшными колоннами-пенисами. Ты не могла преодолеть свой страх перед запретными желаниями одна.

— Что? Какие ещё...

— Пенисы, ты не ослышалась. Этим тоже хорош Дали. Он максимально честно и правильно отображает символику эротизма. Почему лицо спящего перетекает в силуэт женщины, почему у неё на лице эта лилия, из которой и вырастают мужские ноги? Есть над чем подумать. Так что советую присмотреться внимательнее. К картине и своим снам.

Марк покинул спальню, а Соня осталась стоять перед картинкой. Ошеломлённая и потрясённая. Этот Дали явно был извращенец. И Марк, по-видимому, тоже. А она думала — как ей повезло, что отцом её ребёнка будет не какой-нибудь урла-гопник или стяжатель-жлоб. Нет, ещё хуже — похотливый эротоман. Бедная Соня, она всё же попала в лапы злой ведьмы в мужском обличье.

## 2

Начался третий месяц беременности, кончился первый месяц проживания у Марка. Дни потекли серые, как болезнь. Но болеть Соне нельзя было — так заповедовал врач.

На удивление, гинеколог никак не отреагировал на юный возраст Сони. Зато надавал такую гору советов, что Соня начала понимать, почему все эти мамашки так истерят по поводу и без. Самым сложным эк-

заменом ей теперь представлялось не ОГЭ по математике, а успешные роды.

На вопрос, умирают ли современные матери при родах, доктор просто ответил: «Да». Соне сделалось плохо. Доктор попытался умастить эмоциональный ожог, выдав кучу рекомендаций, следуя которым она пройдёт беременность, как лёгкое препятствие на пути долгой счастливой жизни. Но Соня нарушила первую же рекомендацию — поменьше нервничать. Как тут оставаться спокойной, когда тебе грозят смертью и вешают на тебя неподъёмный груз ответственности?

Гинеколог спрашивал и про Марка:

— У отца ребёнка имеются хронические, инфекционные заболевания?

— Нет! — запальчиво ответила Соня.

Хотя насчёт Марка ни в чём не была уверена. «Он подавал себя как загадку», — так сказала Эллочка, наведя о нём справки в знакомых кругах. На тусовках появлялся редко, да и то лишь на самых грандиозных, где народу было побольше. Говорил умные вещи, девчонкам нравился. Больше ничего.

Марк особо и не распространялся о себе. Спрашивал у Сони каждый день, как идут дела в школе, как она чувствует себя, и, получая развёрнутый ответ, сам отделялся дежурным «всё хорошо». Чуть ли не все дни он пропадал на работе. Пару раз выезжал к клиентам на дом. Соня думала, что у него наверняка кто-то есть, но не испытывала ничего, схожего с ревностью. Какое ей дело? И какое она имеет право на его личную жизнь?

В то же время Марк, как заведённый органайзер, напоминал, что нужно помириться с матерью. Соня и без того страшно истосковалась по маме. Наконец пришла домой. И хоть обещала себе держаться стойко, ударилась в слёзы.

— Дура я, дура! Какой мне ребёнок?! Я сама как ребёнок! Я жить хочу, мама! — заверещала она.

Мама сорвалась с места, притянула Соню к себе:

— Чубунчик ты мой! Тебе страшно стало. Это нормально. Я с твоим отцом тоже по залёту сошлась. Не было сначала никакой любви... А после свыклись, притёрлись друг к другу. Там незаметно и полюбили. Это потом как-то разладилось. Сама не заметишь, как полюбишь. Чадо своё полюбишь, Марка своего полюбишь, жизнь полюбишь. В твои-то годы... По юности любая мелочь кажется Армагеддоном, и любая пустяшная радость такой подъём вызывает, что хоть впрямь лети. Если вдруг что, если поссоритесь, если не знаешь, как себя вести — он всё-таки тебя

старше, это тоже пугает, или, не дай бог, ударит.. ты звони или сразу беги домой. Со школой решим, сдашь экзамены досрочно. Всё наладится. А ты правильно сделала, что переехала. Первый самостоятельный шаг. Молодец!

Утешало лишь то, что мама ничего не сказала отцу, но Соня заплакала ещё сильнее. Не вырваться ей из шахматной комнаты Марка и не унести на лошади ни в какой лес — лошадь везти не хочет. Но сколько же выдержки в этом животном, сколько же терпения в матери.

Мама убеждала, что совместная жизнь, единые на двоих тяготы, а главное — ребёнок сшивают двух людей в одно полотно. «Полюбишь», — пророчила она. Соне хотелось верить, и она ждала, косясь на Марка, когда же почувствует что-то тёплое при взгляде на него.

Чуть ли не каждое утро Марк расспрашивал, что приснилось Соне, и безудержно растолковывал, что к чему. Серенады влюблённого — услада для ушей, и оды Марка психоанализу тоже было интересно слушать, но при том страшно.

Что бы ни приснилось, всё было связано с либидо, больше напоминавшим сказочного зверя, которого нельзя пощупать или увидеть, но он живёт себе, питается человеческой кровью и детскими фантазиями. От слов «либидо», «пенис», «секс», «запрет», впрыскиваемых в уши изо дня в день, у Сони болела голова.

Любые вытянутые предметы — от спицей до фонтанов, от самолётов и воздушных шариков — означали фаллос. Даже зубы, даже пишущие ручки, даже рука и даже нога. Любые полые предметы — от пещер до шахт, от шкатулок до домов — символизировали женский половой орган. И даже рот, и даже колокольня на улице Чкалова, и даже смартфон. Любые быстрые действия — от выпадения зуба до верховой езды, от игры на пианино до скатывания по горке — маскировали совокупление или самоудовлетворение. А либидо растворилось в культуре, словно в кислоте: оно крылось в мифах, проступало в искусстве и околдовало всю религию, сделав христианство порабителем человеческих желаний, заключившим либидо в заточение.

Порой во время аналитических бесед, как их называл Марк, когда он грезил себя «последним сновидцем», как его называла Соня, ей становилось настолько противно слушать все эти расшифровывания, что она притворялась, будто её тошнит, и бежала в туалет. Иногда взаправду становилось тошно. Тошно, что она так глупо оступилась и забеременела.

Соне казалось, что цыгане околдовали её какой-то гипнотической магией, потому что события вращались как во сне. Мама, школа, Марк и его квартира, беременность — всё отдавало невероятной неправдопо-

добностью, потому что в жизни так не бывает, по крайней мере, никак не могло случиться с ней, скромной тихоней. Худший кошмар — мерзкое ощущение нескончаемого полёта. И жизнь Сони полетела под откос.

Как-то раз Соня проснулась утром на всё ещё незнакомой кровати в квартире некоего Марка, отца какого-то выдуманного нерождённого карапуза, и ей стало так невыносимо от ощущения неестественности происходящего, что она сказала вслух:

— Задолбал этот сон. Разбудите.

Слова сорвались так легко, потому что их проговорила не Соня, а её сновидческая копия. *Разбудите.*

— Разбудил, — уверенно сказал Марк.

И до неё не сразу дошло, что он ущипнул её за плечо. Она даже не ойкнула. *Во сне все чувства притупляются.*

— Что это значит? — оживился Марк.

— Просто всё как во сне, — запросто призналась Соня. — Ощущение, что я не я и всё вокруг — не про меня.

— Прямо песня. Песня современного поколения. Я это на всех вписках слышу. Каждый второй ощущает себя ненужным, поломанным, больным — выбирай, что ближе. Если хочешь, буду называть тебя по-другому, а то от «Сони» реально веет сонностью и отстранённостью. Только не ной и не будь серой массой, умоляю. — Марк скинул ноги на паркет и раздражённым, дробным шагом потопал в ванную.

С кухни выкрикнул, что отныне нарёк её Настей. Она была не против, приняла новую кличку — на то и соня, что спит всё время. Тогда из кухни раздалось:

— Будет тебе развлечение. Ко мне в субботу придут друзья. Можешь не краситься к их приходу, но в домашнем не выходи. Скорее всего, будет вискарь. Тебе нельзя. Будешь пить смузи.

Несмотря на претенциозный тон Марка, Соне стало по-настоящему любопытно, словно её, любознательную малютку, пообещали сводить в зоопарк, где от новизны сносило башню.

Целую неделю Соня чувствовала себя замечательно, предвкушая встречу с друзьями Марка. Она рассказала об этом Машке, и та чуть не разошлась по швам от кучи вопросов. Машка — на то и «вопросы задавашка». Она то ли изображала заинтересованность, то ли действительно проникалась проблемами подруги, но слушателем была отменным.

С Эллочкой Соня больше не виделась и из намёков Машки поняла, что та как будто испытывала некое расхолаживание, оттого что Соня не оправдала её ожиданий и поступила, как полная дурочка, согласившись рожать. Соня была в этом уверена, хотя прямо никто не говорил. Маш-

ка передала, что на выходные они с Эллочкой собираются на тусовку, и при этом не позвала Соню, как будто раздражала и изгалялась над её положением.

Соня и не унывала. К чёрту их тусовки! У неё будет своя, точнее тусовка Марка. А она уже начала думать, что он мизантроп и залетаёт на вписки от бездеятельности и скуки.

Готовясь к приходу его друзей, Соня взялась подбирать музыку. Тусэйшн оборачивается полнейшей чепухейшн, если играет отстойная музейшн. За пару дней она, сидя на подоконнике, обратилась к Марку:

— А какую музыку слушают твои друзья?

— Только не надо искать никакую музыку заранее. Ни я, ни мои этого не любим. У нас же не светский раут. Так, просто посиделки на расслабоне, каждый включает что хочет, под настроение. Тем более мы не слушаем попсу.

— А с чего ты решил, что я попсу слушаю?

— Слышал, что ты включаешь, пока принимаешь ванну. Всё, адё, до вечера. Будь ласковой кисой, с учителями не ссорься и не сучай!

Это напутствие-прощание он кидал ей перед уходом на работу, но в этот раз оно вызвало непреодолимое желание разбить что-нибудь. Соня дотянулась до одного из учебников на подоконнике и запульнула его в кровать, но Марк уже не мог этого ни видеть, ни слышать.

Книжка распахнулась и подстреленным голубем упала на пол, распластав крылья-листы. Соня яростно прыгнула с подоконника и подобрала учебник истории. Он открылся на странице с картиной: зыбкий полумрак лесной пуши окутал группу затенённых людей. Посреди них стояла молодая женщина — белёная, как пудра, изящная, как лебедь. Люди вокруг внимали женщине, точно она их зачаровала или завоевала. Женщина и есть победа. Вот какую картину следовало бы повесить у Марка. Картина называлась «Цыгане, слушающие пророчества молодой гадалки».

У Марка было три друга. Двое из них, как и он, не учились. Третий учился на менеджера чего-то там. Его звали Марселем, и он первый бросился в глаза Соне. Сублильный, с тонкими чертами лица и септумом-кольцом в носу — натуральный хиппи-фрик, как классифицировала таких Соня. Этот Марсель поздоровался с ней тихо и безучастно, как будто внутренняя его часть пребывала в одном из недостроенных воздушных замков.

Ещё был Дима Данилов, которого все звали Митяем. Рыжий угрюмый парень с оттопыренными ушами и большой головой, из-за стриж-

ки ёжиком похожей на яйцо. Практически весь вечер он просидел, скрестив руки на груди, с такой каменной миной, словно забыл, что он здесь делает, и тем пытался казаться значительным.

Третий был Миша Кочетов. Этот сразу улыбнулся и показался Соне самым нормальным. Высокий, с плечами вразлёт, кустистыми бровями, так высоко поднятыми, точно парившими и показывавшими, что их обладатель парит над всем происходящим: ничему не удивляется, ко всему и всем привык, всех уважает и привечает. Светлая борода придавала Мише вид чешского дровосека, который вот-вот пустится плясать польку и петь что-то басовито-народное.

Больше всего огорчило Соню, что Марк представил её как Настю. Соня тут же сникла, потупив взор, вяло отказалась пить и не стала участвовать в разговоре. Может, Марк и рассчитывал, что, представив другим именем, заставит её молчать, чтобы она не открывала рот и не позорила его? Соня углубилась в себя, открыв азбуку.

Кухня плыла, расплывались лица и рюмки на столе. Рюмки вели свой диалог, куда более интересный. Они оценивали ухоженность пальцев, бравших их за туловища, чтобы поднести к губам и опорожнить. Обсуждали собравшихся гостей, присматривались к их одежде и принохивались к их одеколону. Соня совсем перестала различать голоса Марка и его друзей и совершенно окунулась в мир, исписанный азбукой.

Краем уха улавливала, как жители внешней стороны реальности обсуждали рассказ Мишани. Он, кажется, никому не понравился, и Мишаня сильно злился. Марсель при этом смотрел куда-то в потолок, как будто нашёл там икону, а Митя сидел насупившись, как капризный ребёнок.

Азбука захлопнулась, и мир вырвал Соню из фантазий, когда её затошнило. Соня подавила позыв и отпила свой смузи. В этот момент Мишаня спросил, что Марк думает про рассказ.

— Что я думаю по поводу твоего творения? — вальяжно спросил Марк. — Меня больше всего поражает, что я его не читал и впервые слышу про него.

— А-а, я забыл тебе дать прочесть... — смутился Мишаня, охолонув после жаркого спора.

— Но я могу сделать вывод из слов Митя и Марселя, — внушительно откликнулся Марк. — Рассказ вышел нереалистичным, потому что автор сам в свою идею не верит, себя пытается уверить, но в своём рассказе прячется от себя и фальшивит в каждой строчке. Всё почему? Да потому, что автор на презирает труд и коммунизм, но так привязан к своим идейным принципам, что пытается всячески их отстаивать.

Это как если бы монашка, истосковавшаяся по мужскому теплу, пела оды воздержанию. Ещё более очевидно, что автор рассказа не удовлетворён жизнью и с удовольствием умер бы, как его герои, с почестями. Диагноз — фрустрация.

— Я тебе поэтому и не дал рассказ! — оскалился Мишаня, вскочив из-за стола. — Я так и знал, что ты начнёшь заумствовать со своей психулогией! Только это хрень, ересь!

Повисла гробовая тишина. Марк поставил рюмку на столешницу размеренным движением, точно освободил руку для удара. Только драки не хватало. Соня почувствовала, что обстановку надо срочно разрядить.

— А я беременна и жду бэбика от Марка, — как можно более беззаботно проговорила она. — Всем ещё раз привет, меня на самом деле зовут Соня!

— Уж с этим не поспоришь, — подтвердил Марк и подмигнул ей, словно они были напарниками в каком-то заговоре. Соне даже показалось, что он только и подводил Мишаню к взрыву и ждал, когда она подаст голос.

— Бэбик — это круто! Поздравляю! — первым нашёлся subtilный Марсель и стиснул её в нежданно крепких объятиях.

— От Марка беременна? — недоверчиво покосился Митя. — Я же говорил, что в этой Вселенной всё возможно.

— Теперь понятно, чё ты не пьёшь, — хмуро отделался Мишаня, садясь на место. Опрокинув стопку, упёрто спросил: — И чё, типа любое произведение искусства — это просто отдушина для автора?

Марк сурово кивнул:

— Как бы автор ни скрывал своё эго за творчеством, оно всё равно выдаёт автора.

— О чём надо писать, так это о любви, — мечтательно пропел Марсель, не выпуская Соню из объятий. — Я это недавно прочёл у нью-реалиста Сенчина. И это верно. Почему писатели сейчас меньше пишут о любви? Всё сплошной совок, войны, кризисы. Пустота. Духота! Все забыли о настоящей, сильной любви!

— Все просто раскусили, что настоящей любви нет, — с нажимом подчеркнул Митя.

— Правильно, у тебя вообще ничего нет. Всё — Ничто! — передразнил Мишаня, скривив рожу. — Марк, что там психулогия говорит? Что такое любовь?

— Временный аффект. Длится до тех пор, пока индивид не изживёт внутренних противоречий, которые он бессознательно проецирует на любовника и... Короче, нет любви! Как по мне, то, что называют насто-

ящей любовью, — первобытное поклонение объекту привязанности. Мистическая сопричастность, вот что.

Митя победоносно скрестил руки на груди, Мишаня цокнул, Марсель неодобрительно сплющил губы, а Соня вздрогнула. Она, конечно, не считала Марка романтиком, но и не думала, что он настолько циничен.

Дружно разлили новую порцию виски и дружно выпили за удачное разрешение беременности, пока Соня тихонько допила свой смузи. Разговор снова потёк в неведомом для Сони направлении. Обсуждали каких-то писателей, Мишаня порицал современную власть и вообще много спорил. Митя молчал и напоминал, что все эти разговоры — только «песчинка, брошенная в поток Ничто». Марсель беспокойно ёрзал на стуле, но всё-таки отнялся от Сони. О ней быстро забыли, и Марк больше не пытался вывести её на авансцену.

В какой-то момент Мишаня включил музыку, группу «Петля страстия», начал громко подпевать, разрывая глотку. Под звуки сурового, нагнетающего рока Соня незамеченной куницей выскользнула из-за стола и ушла в спальню.

Сквозь сумрак протолкнулась к кровати и завалилась на неё в чём была. В сумерках серый плед казался пепельным. Соня закуталась в него, представляя, как превращается в пепел и взмывает вверх, распыляемая ветром. Отчаянно хотелось плакать. Из нездешнего мира, из мира звездочётов, рассуждавших о чём-то таинственном, неслась музыка. Соня растворилась в ней и заснула.

*Умение утешить себя,  
Что вроде ты не самый плохой,  
Что у тебя такая судьба —  
Задумчиво кивать головой.*

### 3

Дружки Марка стали наведываться чаще — чуть ли не каждые выходные. Почему они не приходили до этого, осталось загадкой.

Они являлись сразу все вместе, втроём, как священная неразлучная троица. С их приходом Соня отнекивалась, что ей задали много домашних, чтобы не выходить из спальни. Пока они обустроивались на кухне, она взбиралась по креслу на подоконник, включала на смартфоне любимые песни и уносила на их волнах прочь из квартиры. Иногда вза-



правду занималась домашкой. С кухни в это время долетали обрывки громких разговоров и музыки.

Чаще всего слушали «Смысловые галлюцинации». Она даже не удивилась, что группа с таким названием была любимицей Марка. Он и его друзья устраивали типичные посиделки — выпивали, пели, курили и баловались разговорами о чём-то запредельном. Они все были одержимы какими-то идеями, под стать Марку.

Марсель часто рассказывал об эзотерике, параллельных мирах, Пуршах и Атманах, высших оболочках бытия с какими-то пузырями «майя». Если он рассказывал, как во сне совершил переход в другой мир, остальные с усмешкой называли его Кастанедой.

Митя всегда молчал до первой стопки, потом его естественно несло. Он нёс околесицу про материализм, правильность марксистских взглядов и при этом доказывал, что всё в мире — Ничто, как заповедовали какие-то там циалисты или цианисты. Соне было невдомек: как это, всё — Ничто, но при этом есть мозг, и человек, и святая экономика, боготворимая Митей?

Мишаня тоже был не без «идеи»: он пропагандировал какую-то коммунистско-утопическую свободу и был уверен, что её символизирует «Сад земных наслаждений» Босха. Мог рассказывать о шифрах этой картины без передышки, не сбиваясь и не останавливаясь, как если бы заучил свой монолог. Но монолог каждый раз строился по-новому: Мишаня мог обращать внимание то на эту часть триптиха, то на ту — всегда с новыми интерпретациями. Похоже, он никак не мог даже для себя определить, какие именно шифры скрывала картина. Но точно определил, что в «Саду земных наслаждений» сосредоточена вся суть свободы. На вопрос, почему именно в ней, не мог ответить.

Незаметно для себя Соня чаще всего ловила высказывания Марка. «Бог — это когда можно, но нельзя», — как-то раз сказал Марк, и этот его афоризм надолго запомнился Соне. У него вообще на всё и про всё имелось хлёсткое словцо. Соня внутренне усмехалась: имя Марк явно происходит от слова «маркировка», иначе почему Марк так часто на всём ставил штамп своего мнения? И фамилия его — Буйда — явно происходила от слова «бурда», иначе почему Марк нёс сплошную бурду?

Соня просто отсиживалась в гостиной, пока Марк и его друзья засоряли кухню своими маркированными фразочками, из которых можно было составить целый сборник лозунгов. На этом сборнике следовало бы написать «Всё дозволено», потому что у Марка не было более любимой присказки. Что бы ни творилось и ни говорилось, всё было дозволено, по мнению Марка.

Соня решила воспользоваться этим как контроружием. Долго обдумывала, как заставить Марка познакомиться с мамой, — он либо отнекивался, либо отделивался нехваткой времени.

С мамой Соня созванивалась чуть ли не каждый день и захаживала после школы домой, не всегда, правда, заставая маму, но обязательно прибегала к благам санузла (всё ещё стеснялась делить туалет с Марком).

Перед мамой она держалась бойцом. Не говорить же, что главный недостаток жизни с парнем — его пол. С парнями она обычно вела не очень трезвые диалоги на вписках и излишне формальные — с одноклассниками в школе. Если бы она призналась маме, что ей стрёмно жить с парнем лишь потому, что он — парень, то мама лишила бы её почетного звания «моя взрослая девочка», которое так нравилось Соне.

В конце ноября Соня придумала, как убедить Марка познакомиться с мамой. Деланно разыграв любящую мамашку, взрывающуюся мелодичным сюсюканьем при любом упоминании малыша, она объявила, что ребёнок впервые толкнулся. Это было неправдой, но Соне нужен был хоть какой-нибудь повод, чтобы расшевелить Марка.

— Ну иди, потрогай! — попросила Соня, стараясь держать улыбку.

Марк неохотно оторвался от чтения некой «Эстетики нигилизма» и с бесстрастным докторским выражением пощупал живот, напавший пока что плохо надутый мяч.

— Ничего не чувствую, — бесцветно выдал Марк.

— Ты что, не хочешь ребёнка? — наседала Соня.

— Хочу, но радоваться обычным вещам как-то неприлично. Я же не приветствую тебя всякий раз, как ты выходишь из туалета, и не кричу: «С облегчением, дорогая! Рад, что у тебя всё в порядке с пищеварением». Если из таких пустяков сделать церемонию, можно забыть, что такое жизнь.

— Всё дозволено вообще-то, — злобно выплюнула Соня. — А если всё дозволено, мог бы хоть раз и порадоваться таким мелочам, хлын бесчувственный!

Соня выбежала в спальню, придерживая живот как величайшую драгоценность. Вскарабкалась на подоконник и жалобно уставилась в окно, молясь, чтобы её заточение поскорее кончилось. Или чтобы случился выкидыш и не пришлось терпеть никудышного папашку...

— Ты реально обиделась? — Марк осторожно приблизился, с видимым покаянием склонил голову на грудь. Дёрнул рукой, как будто хотел прижать её к животу Сони, но потом опустил. Боялся он, что ли, до неё дотронуться? Это ещё больше раззадорило Соню, она уже хотела что-нибудь крикнуть, но только потупила взгляд и издала плачущий всхлип. Гормоны шалили.

— Ну что ты хочешь, чтобы я сделал, Сонь?

— Познакомься с моей мамой! — взбеленилась Соня, сталкивая с подоконника учебники ногами, брыкаясь, как дитя. — Ты мне тут расписываешь, как тупо жить с предрассудками, а сам? Боишься?

Марк понуро опустил на край кровати.

— Зови. Но не жалуйся после, что я не пришёл к твоей маме по вкусу.

— А ты будь сахарным.

Марк звучно выдохнул. Включил «Смысловые галлюцинации».

*Всё в порядке,  
Всё нормально,  
Я беру тебя с собой  
В тёмный омут с головой.*

И Марк был сахарным, настолько, что у Сони свело скулы от его приторности, но мама любила сладкое — пила чай только с сахаром. И Марк пришёл к ней настолько по душе, что она назвала его душкой и пригрозила Соне, чтобы та не отпугнула его.

— Я тебя знаю — как начнёшь кобениться или уйдёшь в себя, так с тобой невозможно гуторить, — добавила она после встречи с Марком.

#### 4

Тридцать первого декабря Соня осознала, что её жизнь кардинально изменилась. Осознание пришло внезапно, как удар в колокол, и с таким же гулким эхом. Эхо отдавалось неверием и недоумением — неужели отныне вся её жизнь связана с ребёнком?

Соня мечтала поехать учиться на Алтай, куда её сманивал двоюродный брат по отцовской линии. Он писал даже сейчас, зная, что Соня учится последний год. Но если бы он знал, что она в положении, скорее всего, с омерзением удалил бы её из друзей и перестал писать. А ему и сказать нельзя было — иначе доложил бы отцу... А значит, придётся идти по намеченному мамой плану — отучиться на повара. Да, повар из неё тот ещё (гречка нет-нет, да и получалась пересоленной).

Всё это она начала обдумывать, когда отказалась от предложения Машки и Элочки отметить Новый год по традиции — посетив несколько вписок за ночь. Раньше она заранее выпрашивала у отца деньги — только на это уходило недели две, потом выбирала платье, в спешке

записывалась на маникюр. От одной этой движухи сносило крышу. Порой даже сами тусовки проходили не так весело, как подготовка к ним. В канун этого Нового года Соня не планировала ничего, только успеть сесть в автобус и примчаться к маме, отметить праздник с ней.

Весь вечер, пока они с мамой готовили праздничный стол на двоих, она только и вспоминала о том, как было раньше. Когда пробили куранты, с глаз Сони будто спали шторы, и она поняла, что больше не могла назвать отчий дом домом. Здесь стало как-то холодно, неуютно, от стен тянуло одиночеством, будто жильцы умерли, хотя всего-навсего ушёл отец и Соня переехала. Она попыталась представить, каково маме здесь живётся одной, но лишь почувствовала, что дурнота подкатила к горлу.

Они с мамой сидели за накрытым столом, и ни одна не притрагивалась к еде. Что-то шло не так. А ведь Соня упала на уютный праздник. И даже мамин подарок — косметическая палетка — показался ей неуместным, как нечаянное оскорбление. Она просила это в прошлом году, но зачем ей косметика теперь? Не это ли называют бестактностью? Мама будто перестала понимать, как правильно вести себя с ней.

Соне очень хотелось раздвоиться, как раньше, но не получалось. Наверное, ребёнок мешал. Поэтому она начала грезить о том, как сбежать из этой одинокой квартиры, особенно когда мама начала спрашивать о семейной жизни. Соня пожаловалась, что Марк помешан на анализе сновидений и ничего другого в жизни не полюбит.

— Марк же своими впечатлениями делится. Ещё и твои сны трактует — это больше, чем интересуется! Ты бы тоже могла попробовать подержать его и трактовать его сны.

Соне сделалось невыносимо грустно. Она просидела ещё полчаса, слушая наставительные сентенции, а потом соврала, что Марк ждёт её. Не пожалела денег на такси, не пожалела маму, задвленную удручающим одиночеством.

Марк, понятное дело, отмечал с друзьями. Она предполагала застать их в самом разгаре попойки, но, шагнув в квартиру, подумала, что оказалась в другом мире.

В кухне и коридоре реяла музыка, размеренная, тягучая, с переливчатым женским голосом, певшим о чём-то вечном на другом языке. Это была нездешняя музыка, и в ней слышались отзвуки скрипки. Не той ли самой скрипки, которую Соня слышала с тех пор, как побывала у цыган?..

— Кто это поёт? — заворожённо спросила Соня, не обращая ни к кому конкретно.

— Бьорк, — раздался голос Марселя с кухни. — Я тут один. Остальные вышли с Мишаней, чтобы он проветрился. А то он чудил и с кулаками на Митю лез.

Соня побоялась остаться с Марселем наедине. Она его толком не знала и, открывая азбуку, каждый раз находила его на букве «д». «Двойственный» — первое, что приходило в голову. «Дошлый» — приходило вторым. И странное слово «дольный».

Марсель и вёл себя странновато. У него всё зависело от настроения. Об этом говорили порезы на его кистях рук. Красноватые, толстые, как налившиеся соком червяки, порезы разлеглись поперёк вен. Марсель их вроде не стеснялся. Но поверх порезов были набиты татухи-рукава, и Соня думала, что он набил их в тот момент, когда настроение было живое и Марсель хотел забыть о мёртвом настроении, доведшем до порезов. Чаще всего Соня видела Марселя чрезмерно смеющимся и говорливым, запальчивым и резким, пьющим и пляшущим. Иной раз он говорил так быстро, что никто не мог его понять. Понимал только Марк, и то по-своему. Предлагал сделать что-нибудь из ряда вон, и Марсель легко соглашался, что часто приводило его к карикатурно-детским выходкам: пописать в мусорный ящик на улице, дознаться у случайного прохожего, сколько раз он читал Коран. Чем нелепее выкрутас предлагал Марк, тем быстрее Марсель соглашался, если, конечно, настроение было подходящим.

— Ты нас боишься, что ли? — молвил Марсель, выводя Соню из оцепенения.

— Что? Ты про что?

— Ну ты просто редко сидишь с Марком и с нами. Как будто боишься. — Марсель встал из-за стола и вышел на балкон.

Разве это не странно? Вот он говорит с ней, а уже в следующую секунду выходит куда-то. Сам начал разговор и сам обрывает.

— Идём на балкон, — словно читая мысли, позвал он. — Не люблю говорить при свете. Тем более на кухне. Там не до разговоров.

Соня вышла на балкон. Марсель сел на коврик в позу лотоса.

— Ты реально боишься нас?

— Нет, просто... — Соня замялась и села. — Я вас толком не знаю. Я с подругами другие темы обсуждаю. И музыку другую слушаю.

— Да, музыка — это важно. Включи свою музыку, и я скажу, кто ты. — Опять у него речи невпопад.

— Просто... Марк и ты, вы все с большими идеями и умными мыслями. А у меня нет никакой идеи. И мне пофиг.

— Если пофиг, почему тогда не сидишь с нами?

— Да потому что! — Соня скрестила руки на груди. — Марк смотрит на меня, как на дуру. Типа вот ты без идеи, значит, лохушка.

Марсель задумчиво уставился в пол. Включил музыку на телефоне, закурил. Предложил Соне, но она отказалась. Разве не странный? Соня подумала, что к таким чудным, обрывающимся беседам не сразу, но можно привыкнуть.

— Это нормально, — заговорил Марсель со слегка отрешённым видом, как будто только вышел из неглубокого транса. — Нормально, что люди иногда чувствуют себя плохо от чьих-то слов, хотя никто не хотел их обидеть. Это всем знакомо. Ток я думаю, некоторые из нас похожи на претов и гаки. Это такие духи, которые никак не могут насытиться и поэтому жрут других.

— Интересно... Но ни фига не понятно.

— Ну... Ты когда-нибудь слышала про абьюз?

Соня отрицательно покачала головой. Хотя бы с Марселем ей не нужно было прикидываться, что она в теме.

— Абьюз — это психологическое насилие. Бич двадцать первого века. Пришёл на смену обычному насилию.

Музыка сменилась, повеяло психоделикой, и маленький балкон, раскрашенный азбукой, закачался и завращался в кислотных цветах. Марсель закрыл глаза. Настроение у него сегодня было откровенничать, говорить от сердца.

Это надоумило Соню на вопрос:

— Вот ты говоришь, абьюз — это типа бытовухи, и, значит, он бывает между мужем и женой. А у друзей бывает абьюз?

— Конечно. Везде, где есть отношения, может быть абьюз. Абьюзить может каждый, даже если сам этого не осознает. Хотя про подсознание лучше Марк расскажет.

— А ты не думал, — Соня задержала дыхание, — ты не думал, что Марк абьюзит... своих друзей?

— Меня, Мишаню и Митя? Хм-м... Со стороны, наверно, виднее. А ты думаешь, он нас абьюзит?

— Ну... Просто он точно абьюзит меня!

Брови Марселя взмыли вверх.

— Я, конечно, не в курсе, что у вас тут и как, но если бы Марк реально был абьюзером, он бы как-то измывался над тобой, выгонял из дома пять раз за день, а потом заманивал обратно или что-нибудь ещё такое. Короче, пользовался бы правами хозяина дома. Он же себя так не ведёт?

Соня неохотно мотнула головой, сдерживая слёзы.

— Тем более Марк говорил, что с тобой норм живётся. И общение у вас вроде норм. И ты не такая уж глупая.

Марсель игриво щёлкнул её по носу. Но Соне расхотелось улыбаться.

«Не такая уж глупая». Марсель считал её глупой. Интересно, не Марк ли ему подсадил эту мысль? Соня сникла и замолчала. Психоделическая музыка смолкла, кричащие цвета поблекли, балкон погрузился во мрак.

— И ты уверен, что Марк не абьюзит вас? — мстительно спросила Соня. — Но относится он к вам точно нехорошо. В тот раз, когда ты доказывал, что эзотерика не фигня и что в трансе во время ритуальных танцев можно увидеть улыбку Будды на небе, он же сказал тебе, что всё это бред, и надоумил тебя пойти на крышу дома и станцевать там ритуальный танец. Вы тогда ещё поссорились, и ты чуть не скинул Марка с многоэтажки. Короче, перед этим Марк сказал, что ты, Марсель, — копия заносчивого Марсия, а Марк — Аполлон, потому что это разумное начало. Единственное разумное начало среди вас всех, так он сказал. А по мифу ещё Марсий круто дудел на своей флейте, вызвал Аполлона на баттл и проиграл. Аполлон с него за это кожу содрал. Ничего не напоминает? Ты же всё время сам что-то доказываешь Марку, а он тебя изводит. Ну что, это типа не абьюз?

Марсель ничего не ответил. Соня жалела, что в темноте не было видно его лица. Ещё сильнее жалела, что не могла увидеть себя со стороны — как она смотрелась, когда несла всю эту выдуманную небывальщину? Впрочем, может, и не такую уж выдуманную. Про Марсия она точно узнала от Марка, он любил частенько притягивать психоаналитическое объяснение к мифам.

Дверь квартиры хлопнула, вернулись ребята. Марсель вышел к ним. Они наперебой рассказывали, как уломали какую-то тётку купить им выпивку, а она ещё начала их клеить и зазывать к себе на застолье. Митя согласился, и, как ни отговаривали друзья, он удалился с тёткой. Обещал рассказать всё наутро или вернуться, если всё окажется «не так». Как — не так, Соня не дослушала, ушла в спальню и улеглась спать. На её отсутствие, как всегда, никто не обратил внимания.

Вот и прошёл Новый год. Не так, как раньше, и неизвестно, как будет в будущем. От этого не было ни тягостно, ни жутко, только пусто на душе. От усталости голова отяжелела, и Соня скоро уснула.

Сквозь сон слышала хлопанье входной двери. Задней мыслью подумала, что вернулся Митя. «Наверное, тётка оказалась слишком живой и осязательной, поэтому с ней нельзя было раствориться в Ничто». Соня провалилась ещё глубже в сон, манивший зыбкими аккордами тоскливой скрипки.

Ей снилась шахматная спальня, погружённая в ночную тьму. Всё выглядело так, будто это и не был сон. Соня поднялась с кровати и подошла к картине. Несмотря на мрак, картину было отчётливо видно — она прорисовывалась на стене сочным жёлтым пятном. Фигуры на картине двигались, муравьи выползли с полотна и поползли по стене спальни. Из картины разносилась знакомая песня с дребезжащим голосом. Соня подумала: «Я — часть картины, или картина — часть меня?». А потом музыка затопила комнату, точно вода.

*Всё в порядке,  
Всё нормально,  
Я беру тебя с собой  
В тёмный омут с головой.*

## 5

Шёл пятый месяц беременности. У Сони мутился рассудок. Она была маленьким паровозиком, едущим по железной дороге со станциями, имевшими забавные названия в виде терминов, которыми Марк любил хвастать, точно дорогими украшениями, предлагая сомнительный психосеанс.

Соня начала осознавать, что с ней происходят какие-то изменения, когда Марковы прихвостни-термины стали самовольно вламываться в её мысли. Даже больше — в песни, которые она попевала про себя.

Молчи, когда *комплекс власти в тебе* кричит,

Когда в реальности *фантазмы уличишь*,

Когда в квартиру *стучат психо-врачи*,

Эта песня звучит, *криптомнезией горчит*.

И эта дребедень так легко и стройно ложилась на язык, что Соня не сразу поймала себя на том, что напевает сущую чушь. Даже любимые треки Марка начали отдавать сексологическим бредом. В одном из них никак не могла уловить других слов, кроме «Слишком симптоматично часто думать об *этом*». О чём «об этом», сама не могла сказать, но наверняка о чём-то запретном. Как иначе? Походящему сборнику толкований «Марк», выходило, что всё вокруг — от религий до рекламы — не было тем, чем выглядело, на поверку было проклеено с внутренней стороны запретными темами. И запретное манило, кружило голову массам, только массы этого не осознавали. Всему виной волшебная *суггестия* — «большая bestия», как её назвала Соня, чтобы запомнить хотя бы это словечко.

Соня ощущала себя как никогда одиноко. Пытаясь избавиться от этого чувства, рассказала одноклассникам о своём положении, хотя скрывать дольше было бесполезно. Они отнеслись с пониманием, не подкалывали, предлагали помощь. Но никакая поддержка не помогала.

Одним зимним днём Соня сидела на уроках, раздумывая над идентификацией и тождеством, о которых Марк днём накануне рассказал так много, что только глухая стена не поняла бы. Но, видимо, Соня была немножечко глухой или замурованной в стену, поскольку мало во что вникла. Желая отделаться от неприятного ощущения собственной никчёмности, перешучивалась с Машкой на всех переменах и спонтанно позвала её в гости. Машка была только рада. Это был её главный плюс — во всём находить повод для ликования.

Когда-то они часто ходили друг к другу в гости после школы. Не занимались ничем особенно важным: слушали музыку, устраивали кинопросмотры, лазали в видеочат и изгалялись над дядьками-извращенцами, которых можно было найти быстрее и проще, чем решебник для домашних заданий, и которые шли на контакт охотнее, чем собственные родители.

С приходом Машки в квартире Марка стало легче дышать. Они долго хихикали над забавными случаями из школьной жизни, обсуждали одноклассников, быстро уплетая кукурузные лепёшки, которые Соня сварганила из мамалыги.

Машка врубила музыку, похвастав, что откопала интересную группу в стиле инди-поп, но вместо того, чтобы начать приплясывать, как делала это обычно, юркнула в спальню, кинув: «Хочу посмотреть!». Соня запоздало опомнилась и двинулась за ней, почему-то вбив себе, что спальня — запретная комната, в которую нельзя пускать посторонних.

Машка уже разглядывала шкаф-купе и своё отражение в зеркале. Соня молча прошла к окну и с трудом вскарабкалась на подоконник по креслу. Заметив картину над креслом, Машка подбежала к ней. Соня с интересом наблюдала за реакцией подруги.

— Фу, чё за извращенство! — воскликнула Машка, отпрянув от картины.

— Извращенство? — растерялась Соня, потупив глаза. Такого она не ожидала.

— А чё, нет? Это нарисованная мечта всех извращугов с «Чат-рулетки»?

— Н-нет, — нервно откликнулась Соня. — Картина называется «Великий мастурбатор».

— Хотя бы название честное, — хохотнула Машка. — А на фига такой авангард или, скорее, фигнягард вешать дома? Это же заряжает комнату отрицательной энергетикой.

— Брехня! И сама ты фигнягард, — возмутилась Соня. — Это картина суперизвестного художника Сальвадора Дали с такой хитрой символикой, что можно часами разглядывать. Смотри внимательнее. Видишь — там профиль с закрытым глазом? Это намекает на то, что изображается схема работы сновидения.

— Ну, как скажешь... Хотя моя бабушка говорит, что в картинах нет смысла. Их нельзя поменять, висят себе, а тебе уже приелись. И что с ней делать? Нельзя выкинуть, как старую вещь. Только продать, а бэушную вещь сложно продать.

— На стоящую картину можно смотреть бесконечно, и она никогда не надоест.

— Ладно, как скажешь, — с видимым раболепием согласилась Машка.

Соня впервые подумала, что Машка мыслит очень узко и не может выйти за границы своих представлений. То, что испытала Соня, походило на жалость к немощному, убогому существу, но она постаралась не придавать этому значения.

— Да ты прямо как содержанка живёшь тут, — легкомысленно проговорила Машка. — Но-о у тебя на это есть все права! Ребёнок же. Пусть Элла говорит чё хочет, но я считаю, что так даже лучше — родить до восемнадцати. Лучший возраст! А потом будешь устраивать жизнь.

— Да, я вообще хочу уже в этом году попробовать заочно поступить на повара.

— И правильно! И Марк этот хороший, не как некоторые. Ответственность принял, тебя приютил. Всё как полагается. Настоящий мужской поступок! Может, он вообще... — Машка заговорщически подмигнула, — может, он в тебя влюбился?

— Не-ет, ты что! Просто так сложились обстоятельства.

— Тогда подожди. У меня нюх на романтику, а от твоей истории с Марком так и тянет романтикой! Как растить ребёнка без любви? О-ой, говорю тебе, полюбите друг друга ещё! Прямо как в романе! — Машка была та ещё фантазёрка по части любовных историй и в воображении частенько сводила всех знакомых подряд. — Я поняла! Ты — как Джейн Эйр, приехала жить к графу Рочестеру, а он весь такой угрюмый и старше тебя. Всё как в книге! И потом вы полюбите друг друга.

Соня прочистила горло и из дружеской вежливости поддержала выдумку подруги:

— Ну, если уж так сравнивать, давай ещё невероятней. Мы с Марком как Марк Антоний и Клеопатра.

— Что? Почему?

— Да потому, что Марка зовут так же, как Марка Антония, — пожалала плечами Соня.

— А у них с Клеопатрой было как у вас с Марком?

— Не-ет. Вообще непохожая история. Хотя если представить, что я — Клеопатра, то тогда Марк — скорее Цезарь из пьесы Бернарда Шоу, — сострила Соня, думая, что Машка оценит каламбур:

— Какого шоу? — спросила она вместо этого.

— Бернарда Шоу. О нём даже русичка наша говорила. Известный английский писатель.

— Не знаю, прослушала походу, — стусевалась Машка, беря в руки телефон и переключая песню.

Соню вдруг обдал прилив неприязни и чего-то сродни презрению. Марк ощущал себя так же, когда объяснял ей элементарные вещи? Тогда Марком быть — не малина...

— И вообще, — раздражённо выпалила Соня, отделяваясь от подкатившей тошноты, — все эти сравнения с литературными героями — просто часть идентификации, отождествления себя с идеальным «я». Люди переносят идеальные представления о том, какими хотят быть, но переносят, когда их собственное «я» не может справиться с нарастающим неудовлетворением своей жизнью. И переносят они этот образ идеального «я» на персонажа или идею, на что угодно, что олицетворяет те качества, которые нужны человеку, чтобы приспособиться к реальности. Психически несформированные подростки делают из таких персонажей кумиров и фантазируют о них, пока их представления об идеальном «я» не перерастут этого персонажа. Но они часто застревают в своих фантазиях, реальный мир им неприятен. Так что лучше избавляться от привычки замещать реальность мечтами.

Соня тяжело дышала, как будто пробежала стометровку, и прижимала руки к животу, пытаясь выровнять дыхание.

— Вот это тебя несёт, — оторопело проговорила Машка. — Настроение у тебя и так весь день скачет, но это... Беременность сказывается...

Соня недоверчиво посмотрела на ладони, пытаясь осознать, что это всё ещё она. Слышал бы её сейчас Марк... Интересно, насколько правильно она передала всё, что он объяснял? И наслаждался бы ли он тем, как неуклюже смотрелась собеседница, едва дотягивавшая до его интеллектуального уровня? Со стыдом Соня подумала, что ей понравилось наблюдать, как беспечное настроение Машки сменилось озадаченностью.

Заиграла следующая песня, вернув Соню в действительность.

*If you could only see the beast you've made of me,  
I held it in but now it seems you've set it running free.\**

— Блин, слушай, — опомнилась Машка, отводя взгляд в сторону. — Такое дело... В общем, я тоже забеременела. Незапланированно, если что! Кто отец — знаю, мы с ним уже полгода встречаемся. Но я сделаю аборт...

Соня не сразу пришла в себя:

— Как? Ты же говорила, что аборт — грех. А теперь сама же... Да как так?

— Да, блин, мама запрещает и заставляет делать аборт. Говорит, что я ещё маленькая. Организм молодой, проживу как-нибудь, а жизнь гробить рано. Мне ещё вышку получать... Да, короче, права она. Ну куда мне ребёнок? Согрешу один раз. Это не так много. И плод ещё не созрел. Срок — меньше двух недель. Там ещё не человек и даже не эмбрион. Да чё ты так уставилась?! Сама говоришь, что я незрелая и надо меньше мечтать.

— Я не то имела в виду... И мечтать — не вредно!

— Да всё равно. Блин, я бы оставила ребёнка... Но мама уже в клинику записала и не разрешает. Это же не котёнок, ну и она уже всё решила. Да и тем более парня моего она знает и говорит, он ненадёжный. Хотя я уже подобрала имена для девочки... Ну всё, хватит, не хочу об этом!

Машка всхлинула и убежала в ванную, оставив на кресле телефон с играющей музыкой. Соня всё ещё не могла поверить. Жизнь — та ещё забавница и живодёрка, самозабвенно издевающаяся над хилыми душонками людишек.

Соне пришло в голову, что Машкина участь напоминала злую долю древнегреческой Деметры, у которой отобрали ребёнка и которая безутешно оплакивала дочку, скитаясь по миру. Машка вот скиталась по квартире Марка. Хотя, как говорил Марк, есть просто разные архетипы матери — страшная и великая, которыми руководствуются все матери.

С ужасом Соня вновь поймала себя на том, что это не её мысли. Она что, переняла мышление Марка? Или он просто засел у неё в голове?

Она бросилась к зеркалу. Пощупала лицо, голову, плечи. Девочка в отражении никак не походила на ту, которую звали Соней, и не только из-за того, что она сильно раздобрела.

Голова кружилась. Комната вращалась, как во сне. Шахматные поля из чёрно-белых превратились в красно-синие и запрыгали, как мерца-

\* Если бы ты только мог увидеть зверя, которого ты создал из меня, // Я держал его, но теперь кажется, что ты освободил его (англ.). Из песни «Вой» группы «Флоренс + машин».

ющие блики. Из какой-то другой реальности донёсся жалобный плач Деметры и её голос, запевший в стиле инди-поп:

*Seems that I have been held in some dreaming state.\*\**

Соня надломлено рассмеялась, но собственный смех показался блеклым отзвуком, как если бы его записали на диктофон и проиграли в самый неподходящий момент — на похоронах.

«А кого хоронят?» — мысленно спросила она у комнаты, шахматные квадраты которой кружили хороводы вокруг. «Хоронят твоё Я», — пропела Деметра.

Квадраты вновь замерцали, в этот раз жёлто-зелёными оттенками, и начали переливаться, как чешуя змеи. Может, Соня очутилась внутри большой змеи, проглотившей её на обед? Марк рассказывал, что героя любой сказки или мифа проглатывает чудовище, но герой всегда выживает, оказывается в брюхе чудовища, которое символизирует утробу матери, и аллегорически возрождается на свет обретшим силу и себя самого.

«Я не хочу рождаться, я хочу родить!» — подумала Соня, чуть не вопя от отчаяния и, упав на кровать, зарылась в подушки. Когда она успокоилась, комната обрела прежние бесстрастные тона, а из кухни раздался весёлый щебет Машки.

Видимо, Соня на мгновение задремала. Да, беременность сказывается.

## 6

Соня брела по бескрайней пустыне, белой, как молоко. Солончак под ногами крошился, покрываясь витиеватыми бороздами, словно старческое лицо.

Вдалеке ступали высоченные слоны на вытянутых худющих ногах. Слонов не смущало, что они нарушали физические законы, и их полупрозрачные цаплевидные ноги не могли выдержать такие исполинские туши. Напротив, слоны вышагивали по солончаку величаво, беззвучно и плавно, доказывая известную истину: шаг великана равняется ста шагам человека.

В мгновение ока слоны оказались рядом с Соней и напустили вал пыли, белой, как мука, и неощутимой, как время. Слоны прошли даль-

\*\* Кажется, меня держали в каком-то сновидении (англ.). Из песни «Ослепление» группы «Флоренс + машин».

ше, перекинув через Соню насекомоподобные голени, и она увидела люльку. Словно та всегда стояла тут, или словно бы её фантастическим образом наколдовали слоны.

Поддавшись любопытству, Соня подбежала к люльке. В ней лежал малютка-мальчик, дрыгая ножками, словно кроха-жучок. Соня осторожно взяла его на руки, любуясь мраморной кожей, издававшей такой же мягкий свет, как ночной светляк.

Небеса сотряслись и разверзлись, впуская мешаные ноты минорной мелодии. И младенец заговорил. Сначала Соня подумала, что он пел, но он пророчествовал громовым басом:

— Бог создал человека по образу своему — *первым* мужчиной и *второй* деву, и благословил их быть людьми, и наказал: «Растите, размножайтесь и наполняйте землю, и господствуйте ею, и обладайте рыбами и зверьми, и птицами, и всею землёю». Для этого он создал и обустроил наиболее пригодные для жизни чертоги — сад, куда он поместил людей, востребовав выполнить наказ. И ты, дева, иди в чертоги и выполняй высший наказ.

И только молвил младенец это, как стало Соне легко и благодно на душе. Но она заметила, что небеса окрасились алым, сея по пустыне музыку, точно проказу.

*If you could only see the beast you've made of me,  
I held it in but now it seems you've set it running free.*

Соня сотряслась от страха и чуть не выронила младенца, но оказалось, что в руках у неё был не ребёнок, а морская раковина. Перламутровая, со стихийным узором на панцире, она переливалась, как дорожная палатка, которую Соне подарили на Новый год. Раковина — дар свыше. Так решила Соня и прижала раковину к уху, как телефон. Волшебная раковина прошептала:

— *Seems that you've been held in some dreaming state.*

Соня тут же отбросила раковину в люльку. Музыка всё бушевала среди облаков, нагоняя такие плотные пламенные тучи, словно волокна из себя всех обитателей ада.

Соня не знала, где укрыться от надвигающейся музыкальной бури, но увидела неестественный квадрат, повисший в воздухе, как картина. Приблизившись, разглядела в квадрате интерьер затенённой комнаты.

Соня вмиг поняла, что картина и была спасением, порталом, ведущим в укрытие. Она просунула руку в полотно, потом вторую и нырнула в пространство картины. Попала в комнату с шахматными стенами.

Из шахматных полей на неё уставились очи — по оку в каждом чёрном и белом квадрате. Дверь комнаты распахнулась, и из-за неё полился красный дым.

— Войдите, — властно приказала Соня, чувствуя, что она распоряжается происходящим так же, как Клеопатра повелевала целым царством, — бесстрашно и непринуждённо.

Нечто ввалилось внутрь — гибрид ящеров и змей всевозможных помесей, и в то же время у него был человеческий силуэт — две ноги и две руки, опутанные гадами разных мастей. Их чешуя лоснилась, блестела. У чудовища были огромная голова василиска и карикатурно маленькие крылья, которые не смогли бы поднять даже Соню. Хотя, если учесть, что давеча она видела слонов на паучьих ножках, ничто уже не могло удивить её.

— А, это ты, легендарное чудовище! — повелительно приветствовала Соня. — Ты давно разорешь мои земли.

Соню уже нельзя было назвать иначе как царицей. Она воплотилась в египетскую правительницу, а комната была не чем иным, как её дворцом, расписанным глазами Гора.

— Подойди же, легендарное чудовище, о Либида! Давно я хотела узреть тебя. Ты наводило страх на моих подданных, но тебе не удалось запугать меня. Зачем же ты пришло?

Василискова голова качнулась — чудовище то ли кивало, то ли фокусировало свой красноокий взгляд, сложно было понять наверняка. Наконец Либида двинулось с места и заскользило к ней. Чудовище было огромно, выше царицы, и могло легко проглотить её.

— Видишь? Я не боюсь тебя, — гордо объявила царица. — Можешь убираться, пока я позволяю и пока не приказала моим драгоценным очам испепелить тебя презрительным взглядом. Говори, что хотело, и побыстрее.

Василиск обмерил её наглыми глазами, но, встретив грозный взор, опустил очи долу.

— Или думаешь, у меня нет на тебя управы? Ха, есть! У меня, Царицы царей, есть оружие против тебя! Смотри же! — Она достала из-за пазухи крупную бусину. — Это жемчужина любви. В ней лежит твоя смерть, и мне ничего не стоит растворить её в кислоте! — И по одному мановению у царицы в другой руке оказался кубок с кислотой.

— Пос-слание с с-собой имею я, — прошипело чудовище. — Хорош-ший муж выш-шел из тебя.

Царица обронила кубок и жемчужину, они покатались к колоннам, с которых наблюдали очи Гора, испуганно моргающие и ширящие зрачки от страха.

Голова чудовища приняла овал человеческого лица, размытого, но всё же человеческого. Лицо повторило знакомым голосом:

— Хороший муж вышел из тебя.

Соня задрожала всем телом от ужаса. Чудовище произнесло тайные слова, которые несли гибель царицы, как это обычно было с именами демонов в древних легендах.

Комната затряслась, откуда-то раздалась известная шепотная мелодия. Василиск разверз пасть — такую же красную, как его глаза, воспалённые неутолимым желанием. Желанием сожрать её? Разрушить её комнату? Желанием...

Соня проснулась посреди ночи, втуне силясь припомнить, что ей снилось. Перевернулась на другой бок, подвинулась ближе к Марку, различив его лицо — безмятежное, невинное, почти что младенческое, — и заснула непробудным сном.

## 7

На седьмом месяце беременности жизнь стала по-настоящему отвратительна. До отвратительного неспешна. Соня никуда не выбиралась, перейдя на домашнее обучение. Если раньше казалось сказкой, что передвигаться с животом трудно, то теперь она ощутила на себе всю правдивость сказки. Ноги ужасно гудели, и, просыпаясь каждое утро, она чуть ли не с суеверным ужасом натыкалась взглядом на огромную гору, которая вздрагивала от толчков медведя, запертого внутри. Соня гладила гору, надеясь, что та уменьшится, но гора была упёрта и неподатлива и никуда не девалась. Каждое утро оборачивалось тоской. Соню спасала только красивая мечта, будто она горная богиня, держащая взаперти свирепого зверя.

Настала весна, но для Сони все дни затянулись мглой, вечной зимней ночью без ярких сновидений — холодной и одинокой ночью без света. Тепло приносил только медведь в горе.

Больше всего её удивляло и, наверное, пугало, что они с Марком не обсуждали имя ребёнка. Соня знала, что некоторые парочки дают имя после рождения, — то ли чтобы не сглазить, то ли чтобы максимально оттянуть ответственный момент. Но при рождении в любом случае нужно назвать нового человека — его имя заносится в реестр. Соня даже вычитала, что только она имела право дать ему имя, поскольку не вышла замуж за отца ребёнка. Но она сама не знала, как назвать девочку. Больше полагалась на Марка, а тот отмалчивался либо говорил, что имя



должно прийти само в порыве вдохновения, в одну секунду, сорвавшись с языка, как любая вернейшая, невыдуманная истина. «Во сне что ли?» — думала Соня, боясь перечить.

Как можно было полюбить Марка? Мама наказывала быть нежной, но разве камень можно пронять нежностью? К такому никакой, даже самой юродивой — платонической — любовью не восплаеешь. Между ней и Марком не установилось даже сопричастности. Они были так же далеки и близки, как две соседние звезды на небосводе, и жили вчуже.

Марку всё же стоило отдать должное. Как настоящий отец, приходя с работы, он выпытывал по вечерам, занималась ли она уроками. Соня решала задачки и читала учебники, надеясь получить заветное доброе слово наставника. Так же она делала в младших классах с отцом, который требовал от неё наизусть рассказывать выученное. Но что папа, что Марк — оба никак не хотели её хвалить, хотя она старалась изо всех сил. Может, все мужчины в этом плане одинаковые? Или даже во всех планах, как уверяла Эллочка. Её поддержки не хватало ощутимее всего. Даже тусовок стало не хватать, как воды рыбе.

То утро не задалось. Днём накануне Соня сдала последний экзамен — по математике. Экзамены дались на удивление легко, может, потому, что сдавала досрочно. Она даже не нервничала и отлучалась лишь затем, чтобы подглядеть сложные моменты в шпаргалках. По-настоящему тяжело было подниматься по ступеням школы, лоя косые взгляды учеников и учителей. Но тут, слава дружеской чести, помог Мишаня, пообещавший Марку довезти её на своей машине до школы и проводить до кабинета. Соня была уверена, что сдала математику минимум на «четыре», не зря же вызубрила теоремы и формулы, не зря же несколько вечеров готовила шпаргалки, которые спрятала в бюсте.

После такого оглушительного успеха она должна была бы прыгать от радости. Но уже наутро другого дня проснулась в дурном настроении, с пересохшим горлом, в комнате, больше напоминавшей закупоренную банку со спёртым воздухом. Хлынул жаркий май, духота стояла невыносимая, как будто кто-то нещадно сдавливал руки на горле и душил-душил упоённо.

Соня со вздохом ощупала живот. Всё в порядке — гора-медведь на месте. Марка нашла на кухне с его бессменным ежедневником. Плюхнулась напротив, налив чай в кружку, уткнулась в телефон, врубила композиции Бьорк. Её песни — смесь волнующих струнных, пульсирующих барабанов, сверхъестественной электроники, создающая щеко-чуший диссонанс в душе, — лучше всего действовали на нервы. Пусть

Марк считал песни Бьорк депрессивными и тёмными, Соня отвечала, что в таком случае она — танцующая в темноте.

Умяв за обе щеки омлет и не дождавшись условного сигнала, Соня решила начать сама. Выключила музыку и принялась рассказывать сон:

— Там была я и там был ты. Ты что-то рассказывал, ходил по комнате и брился на ходу. Я сидела на кровати. Ты подошёл ко мне и начал резать мой глаз бритвой. Я осталась без одного глаза, выбежала в дверь, и сон кончился.

— Ты прозрела, детка, это всегда больно.

Марк даже не взглянул на неё. А эти его слова, кинутые невпопад, доказывали, что он решает сложнейшую задачу века. Истинный учёный: губы — в ниточку, глаза наострены, как наточенный меч перед битвой. Хотя сравнение с мечом психоанализ не простил бы ей...

— Сон — это мир свершившейся мечты, — раздумчиво проговорила Соня, понимая, что Марк не возразит, одержимый своими записями. — Я всё земное позабуду, и там я буду не чужой... Вот что такое сновидение. Ты согласен, Мрак? — Соня с затаённым дыханием поглядела на него.

— Пхагел тут девел! — поражённо выкрикнул он, швыряя ежедневник на стол.

— Твоя очередь, — апатично отреагировала Соня. — Давай рассказывай свой сон.

— Чтобы спровоцировать у тебя чувство неполноценности? — огрызнулся Марк.

— Рассказывай, — настояла Соня.

— Ладно, попробуем. Суть такая. Меня приводят к какому-то древнему царю в вавилонском замке. Царь требует расшифровать его сон, а если не смогу, он убьёт меня и моих друзей. Я начинаю расшифровывать сон и успешно его трактую. Но я ни черта не могу вспомнить, как звали этого царя и что ему снилось! — Марк бешено вцепился в волосы.

— А как выглядел царь? — спокойно спросила Соня.

— М-м... длинные волосы, борода, перевитая кольцами. На ушах были какие-то пятна. То ли соринки... Ну то есть не соринки, а грязь, не знаю. И в ушах круглые серьги... до носа.

— Сплошные кольца... Что-то связанное с грязью и воздержанием? Кольца на длинной бороде, а она имеет фаллический символ. Хотя... И на ушах, и в ушах... до носа. На и в ухо... сор...

Соня задумчиво прикрыла глаза, не обращая внимания на застывший взгляд Марка, взгляд помешанного:

— А твой царь не Навуходоносор?

— Как ты сказала? Навуходоносор?.. Но откуда ты-то знаешь о таком царе?

— А ты сам про него рассказывал друзьям. Я просто услышала и запомнила. Смешное же имя. Навуходоносор. Надо только посмотреть, что там с ним связано было. — Соня вбила в поисковик на смартфоне имя царя. — Ты же сам говорил, что сны часто связаны с мифами и легендами, и всё такое. Ну вот. Этому царю реально снился сон, и Даниил трактовал ему этот сон.

— Даниил, — глухо поправил Марк.

— Навуходоносору приснился огромный истукан из разных сплавов, который был уничтожен валуном, сорвавшимся с горы. Ага, ну опять фаллический символ — истукан. Я считаю, что этот истукан и борода в кольцах, это всё означает твоё запертое либидо. Но ты боишься признаться в этом сам себе, и твоё воздержание...

— Нет-нет, хватит нести ахинею!

— В тебе говорит механизм сопротивления, сам знаешь, всё построенное на либидо.

Марк надсадно рассмеялся:

— Меня моими же словами! Какой низкий ход, Со-неч-ка. — Марк скривил рожицу. Соня дёрнула плечами, потупив взор. С подчёркнутым безразличием уткнулась в телефон.

— Тыкайся-тыкайся. Не забыла ещё, что значит телефон во сне, великая трактовщица снов? — оскалился Марк. — Ты — просто игрушка в руках экономической машины, которая пожирает тебя и твоё «я», подсовывая тебе гаджеты вместо нормальной сублимации. Недоношенное поколение... Вам раздадут фасованный инстинкт размножения в рекламной обёртке. Мой ребёнок таким не будет. Жаль, что от тебя родится, по-любому подцепит токсический ген. Унтерменша.

— Да ты просто трус! Заигрался и пытаешься переплюнуть богов психоанализа с Олимпа, а сам ничего не стоишь! Только психоанализ не Аполлон, он с тебя не кожу сдерёт, а твоё раздутое самомнение. Марсий недоделанный.

— Марсий?! — гневно протянул Марк, поднявшись и ссутулившись. — Марсий, да? Это ты была! — Хищно нагнулся к Соне и заглянул ей в глаза. — Ты наплела эту баяну про меня, Аполлона и Марсия Марселя. Это ты была! И ты это сознательно сделала, чтобы нас рассорить! Ты знала, что Марсель разобидится. Венерина мухоловка!

Соня постаралась придать лицу презрительное выражение, не представляя, как реагировать.

— Не зря женщин сравнивают со змеями. Только ты не змея. Ты химера, — прошипел Марк так близко к лицу Сони, что ей на нос попали капли его слюны.

— Да пожалста, хоть химера, хоть кто. Прикрывайся как хочешь. Ты своим шизоанализом всё равно ничего не добьёшься. Только в психушку залетишь. Даже Мишаня говорит, что ты помешался, застрял в идеях изжитого века. Строишь из себя клинициста цивилизации! Думаешь, что своим шизоанализом создаёшь кумулятивный эффект, но от тебя только свербит в животе, как от изжоги. И это всё Мишаня сказал!

— Не смей! Ты врешь, никто из них такого не говорил.

— А откуда я такие умные слова знаю? Думаешь, сама доросла? Я же слишком тупая, унтерменша, сам сказал! А знаешь, что сказал Митя про твой шизоанализ? Что он упадочный, и ты бегаешь, как крыса по лабиринтам своего сознания, и пытаешься сделать шоковую терапию старой культуре, реанимировать её, а она уже труп! И ты некрофил с мёртвыми идеями! — Соня почти сорвалась на крик.

Марк отшатнулся, занёс руку. Сердце у Сони похолодело. Неужели ударит?.. Но Марк только прикрыл лицо ладонью. Движения у него были смазанные, вялые, словно он сильно опьянел.

— Кто ты? — слабым голосом спросил Марк. — Тебя сотворил не я. И ты не Галатей. Нет, ты химера. Ты срослась со своей маской жертвенной тихони. Даже не видишь, что тебе нужна помощь. И им тоже нужна помощь, но ты же реально не понимаешь. У Мити скрытая мегаломания, у Марселя циклотимия, ему врач сказал, а у Миши невроз с рессентиментом.

— Чё-чё-чё? Что за чётки шелестят? А-а, это ты словами стучишь! Сплошные диагнозы! Только они на хрен никому не нужны кроме тебя. И ты не психоаналитик, а сам больной! «Малокровная рожа» — так мой папа говорил про таких, как ты! Или хочешь твоими терминами? Ты просто проецируешь свои проблемы на других и упиваешься своим зазнайством.

— Ну так если мои диагнозы ничего не стоят, послушаешь диагнозы тебе? — мстительно проговорил Марк, опершись о стол и нависнув над Соней.

— Валяй, шизоаналитик.

— Может, ты и не хотела ребёнка так рано, но давно хотела повзрослеть. А когда твой батя ушёл из семьи, у тебя образовалось такое больное чувство вины, что ты могла справиться с ним, только перенесла его на кого-нибудь другого либо испутив его бесценным подарком, говорящим бате, что ты уже самостоятельная. На латентной сексуальной стадии дети часто показывают свои испражнения родителям и тоже ждут, когда их похвалят. А твоё либидо, с детства подавляемое запретами отца и зама-

скированным комплексом Электры, застряло в развитии и укрылось патологическим инфантилизмом. Патологическим потому, что ты никак не можешь решить — взрослая ты или ещё мелкая, и как себя вести. И поэтому даже не можешь сказать бате, что решила рожать. А ты решила рожать ещё до того, как забеременела, потому что хотела завести себе маленькую отдушину, на которой можно будет отыгаться за все свои комплексы.

— Псих! — Соня подскочила с места. Она бы точно зарядила ему пощёчину, будь он ближе. У неё не хватало слов, чтобы выразить накопившееся возмущение, и не хватало дыхания, чтобы вдохнуть поглубже и осознать, что всё это не сон. — Ты... Ты... Ты обычный... Садист!

— Тогда мы идеальная пара, — Марк выпрямился. — Ты же мазохистка. А одно невозможно без другого, мазохизм перетекает в садизм, садизм — в мазохизм. Сеанс окончен.

Марк деловито откланялся и прошёл мимо Сони в спальню, слишком ошеломлённой, чтобы сделать хоть что-то. Снаружи собирались тучи — к грозе.

Соня не была уверена, что Миша или Митя плохо отзывались о Марке или его возлюбленной науке. Но не могла сказать, откуда набралась всей этой чепухи про шизоанализ. Друзья Марка вряд ли бы выдали что-то подобное, хотя она удачно сыграла на их любви к высказыванию избыточно-критических замечаний, поэтому так правдоподобно звучали оправдания, будто это не её слова. Может, она правда была химерой? И в животе у неё жил не медведь, а какая-нибудь мантикора, извратившая её характер, отравив её кровь тартюфством?

Весь оставшийся день Соня просидела на кухне, боясь зайти в спальню. Слушала музыку, читала стихи. Поговорила с мамой на балконе, подстроив ликующий голос и рассказав о сдаче экзаменов. Набралась смелости и позвонила папе, поделилась успехами. Он впервые за долгое время похвалил её и пригласил в гости. Соня запищала от радости, не сразу вспомнив, что с животом никуда не пойдёт. Ничего, всего два месяца, опростается — и сразу к папе!

Чуть не выпалила новости Марку, но сдержалась. За весь день так и не заговорила с ним. Боялась обронить лишнее слово, которое он мог бы ухватить и проявить, как снимок, разоблачив очередную её мысль.

## 8

На восьмом месяце Соне приснилась Эллочка. Нехороший сон был: Эллочка с обворожительной улыбкой плеснула ей чем-то красным в лицо.

Соня тщетно тёрла глаза, а Эллочка припадочно хохотала. Мир растворился в её смехе.

Соня думала, что сон приснился из-за злой обиды Элочки. Она тем более уверовала в его потайной смысл оттого, что в последнее время ей ничего не снилось. Сон приходил без сновидений, как гость без гостинца, которому и без того не рад и которого хочешь скорее выпроводить.

Она не стала рассказывать сон Марку, лишь спросила, можно ли позвать в гости подругу, впрочем, и спрашивать не нужно было — после той ссоры он должен был ощущать себя виноватым. Соня и не вынесла бы отказа. Беременность превратилась в бесконечную пытку, переносить которую без поддержки друзей было совсем невозможно.

Сон точно был в руку. Если бы Эллочка не таила обиду, то отказалась бы прийти: пресные домашние посиделки днём, без обещания авантюрного вечера, ей были неинтересны. Но Эллочка примчалась в тот же день. В чёрном хлопковом сарафане с рисунком из вишенки, с молочным коктейлем и бананами. Без бутылки сладкого вина и ухмылки, острой, как нож. Это так поразило Соню, что в первые секунды, увидев Эллочку, она застыла на пороге. Та тоже застыла, уставившись на круглый живот Сони.

— До последнего думала, что это брехня. Хотя если пузо окажется липовым и ты притворяешься, чтобы стрясти побольше бабла, то моё уважение. — Эллочка улыбнулась, и Соня почувствовала себя уверенней.

Проводив её в спальню, Соня, неуклюже пыхтя, вскарабкалась на подоконник, устроилась на выложенных там подушках и сказала Эллочке обслужить себя самой на кухне. Гостя ничуть не смутилась, только принесла два стакана с коктейлем.

Соня даже забыла, что беременна, пока болтала с Эллочкой. Её словно окатило морской водой, и в глазах зашипало от солёной правды. Соня всё ещё была жива и юна, хотя последние пару месяцев считала себя трупом, захороненным в гробу с шахматным рисунком. Если и вправду была обида, то теперь улеглась, как выдавленный нарыв.

— А шконка у вас что надо, — проронила вдруг Эллочка с едкой улыбкой, похлопав по кровати, — высший разряд, чтобы бэбиков плодить.

— Если ты про это... у нас ничего нет и не было ни разу.

— Хо-хо, да ладно! — глаза Элочки с азартом заблестели. Соня стыдливо кивнула, опустив взгляд, и погладила живот.

— Жесть, конечно. — Эллочка сдержанно отпила. — Ладно, как родишь, выпьем, и всё расскажешь. А то у вас тут целибатом воняет. Знала бы, пришла бы в монашеской робе, — она подмигнула Соне, и та, вопреки желанию смотреться взросло, рассмеялась.

Эллочка включила свою музыку. До боли знакомую и родную. Пусть и попсовую, и дегенеративную по понятиям Марка. Эллочка любила слушать «Татарку» — как будто подчёркивая свои национальные корни — и «АИГЕЛ», будто заявляя о своей прогрессивности.

*Мой мужчина меня подводит,  
Мой мужчина дома не ночует,  
В притонах бичует,  
Температуру в семье не чует.*

Заговорили о привычном. Эллочка завела шарманку о селебрити, шоуменах, последних модах и трендах. Но она не была бы людоедкой, если бы не подсыпала соли.

— Ты не думала, почему твой хахаль так легко тебе поверил? Ну, что ребёнок от него?

— Ничё себе легко. Пять тестов на беременность!

— И всё? Больше видимости нагнал, — дерзко раскидывалась Эллочка. — Недоверчивому мужчине и десяти тестов будет мало, он всё сделает, чтобы от тебя избавиться. А тут пять тестов, и всю жизнь себе испоганил. Тебя впустил, согласился бабки и время на тебя изводить. Твой Марк или дурак, или шибко хитромордый, может, надеется получить деньги за материнский капитал? Может, у него хата в кредит взята, тебе откуда знать?

Соня чувствовала, что стремительно заваливает тест Элочки на знание мужского мира.

— Просто Марк ответственный. Даже мама сказала, что он ответственный, и многие сироты такие.

— А, ну если мама сказала... — Эллочка картинно отвернулась, подставив Соне свой гордый профиль. В такие минуты она наверняка верила, что с неё пишут портрет. Отпила коктейль и обернулась, растворив недовольство в ласковой улыбке. — Не обижайся, но я о тебе же волнуюсь. Ты ничего не знаешь о чуваке, ради которого гробишь жизнь.

— Но я не ради него, я ради ребёнка... Надо ответственность нести.

— Быть ответственным не модно, и это не выведет тебя в люди. Ладно, рассказывай дальше. Как ты тут выживала всё это время? В туалет не стремалась ходить?

— Ещё как! — оживилась Соня. — Потом как-то привыкла. Молюсь, чтобы Марк не начал ходить при мне в трусах, а то заново придётся привыкать.

— У меня все парни чуть ли не голышом при мне ходили. Это наоборот плюс, сближает и показывает, насколько вы доверяете друг другу. Твой тебе не очень доверяет, похоже.

— Тебе надо открывать курсы по разоблачению и раскулачиванию мужских душ.

— Хо-хо, и открою! Уже в «Инстаграме» блог веду. Вправляю мозги таким дурочкам, как ты. Я в этом году поеду в Москву, там раскручусь за счёт моего нового хахаля. Он только рад будет. Я же типа ради него жертвую всем, переезжаю в другой город. Из чувства благодарности он мне дорогу цветами осыплет. Учись, пока жива.

Соня опустила плечи.

— А это что такое? — Эллочка подошла к картине.

— Это картина Сальвадора Дали «Великий мастурбатор», — представила Соня. — Как тебе?

— Хо-хо, купина неопалимая! — высшая оценка от Элочки. — Да ещё какое название... Но если твой Марк и правда тебя не трогал и у него реально всё это время никого не было, то всё понятно. Он неудовлетворённый простачок. Сироты — они такие, ответственные. Ага, где там — их просто недолюбили!

Эллочка так уверенно докапывалась до правды без знания каких бы то ни было основ психологии или техник НЛП, которые тщетно изучала Соня, что стало до зуда и злобы завидно — как Соня не разглядела такие элементарные вещи?! Чтобы хоть немного оправдаться, завела напыщенным тоном:

— Всё сложнее. Тут не просто неудовлетворённость. Марк увлекается психоанализом. Он *так* трактует сны, что всю тебя насквозь увидит! А Дали, он рисовал мир сновидений.

— А выглядит так, как будто твой Марк просто застрял во сне и не хочет оттуда вылезать. Ну, не хмурься. Рассказывай про его друзей. Узнаем его по друзьям.

— О, это отдельная тема! — взбудораженно воскликнула Соня. — Они все миллениалы, поколение игрек, знаешь, и они все с большими идеями! Ну то есть прям зациклены на них. Мы вот актёров обсуждаем, и тебе, допустим, нравится Джонни Депп, и ты рассказываешь, что у него нового. А они разводят туры про свои мегаидеи, как будто это их любовницы. Серьёзно сидят за столом и обсуждают мировые проблемы, и пытаются их разрешить, как политики в Госдуме!

— Околофилософия, короче. Знаем мы таких. Никак не могут разродиться чем-то путным. Сорян за каламбур, но их идеям нужен акушер, чтобы эти идеи извлечь и дать им жизнь, чтобы от них была реальная польза, а не пустое словоблудие. Но ты так говоришь, как будто сама увлечена и... восхищена? — Эллочка вопросительно изогнула одну бровь.

— Ну... это просто так необычно.

— Да ладно, мы же с тобой на любых тусовках угорали с таких хипстеров. Они всегда громче всех спорят. Да и плюс. С чего ты взяла, что у других нет великих идей? Может, у меня тоже есть такая наложница-идея, а ты даже не знаешь.

— У тебя? Ты — и чтобы была одержима какой-то большой идеей?

— Обидно вообще-то, — Эллочка жеманно повела плечом, сев на кровать. — Ты просто не спрашивала. И тебе не были интересны люди. Это у тебя новобретение. А я уже давненько поняла, что жить хочу, как Лиля Брик. Роскошно и без заморочек. «Лиля Брик» и есть идея, стиль жизни. Перед ней склонялся чуть ли не каждый второй, кто видел её! Я хочу выработать тот же магнетизм, какой излучала она.

— Ну не-ет, это не то! — яростно возразила Соня. — Это не идея, это... подражательство какое-то. У тебя кумир, а не идея. А вот у таких, как друзья Марка, у них идея.

— Ты не сечёшь, подруга. Все эти околофилософии — просто заигрыши с реальностью. Челики не могут приспособиться к жизни и, как все нытики-поэты, калики-художники и побирушки-музыканты, прячутся за своими нудными рассуждениями и лают на жизнь — какая она бездушная и грубая бабища. А то-то и оно, что им просто нужна всепонимающая, идеализированная мадама, которая их утешит. Короче, сплошные актёры и запросто одурачивают таких розовощёких девочек, как ты. Ослепляют аргументами, и ты веришь, что прозрела, вон как на меня скалишься, Машку явно за идиотку держишь, не общаешься с нами, низкими и распущенными. Знаю я этих болтающих хипстеров, говорят, что открыли глаза, а ты смотришь на мир широко закрытыми глазами, спишь на ходу, в общем. Потому тебя и надуть, и грабануть всякому цыгану — раз плюнуть!

При упоминании цыган Соня моргнула и захотела себя ущипнуть. Так её последний раз распекала мама, ещё до беременности. Может, ей всё это снится, а Эллочка замещает маму?

— Извини, прорвало. — Эллочка придала себе приветливый вид. — Сама понимаешь, ты тут от нас отстранилась. Думала, я не пойму, почему? Запудрили тебе тут мозги. А мы тебя протолкнём, дорогуша, если ты совсем не утонешь в этом хипстерском болоте.

— Может, ты и права... У друзей Марка как-то не ладится с работой, а они и не гонятся за деньгами. Митя отказывается работать, потому что это бессмысленно, а Мишаня презирает «белую» зарплату, у него типа работать на систему — кормить Левиафана, и он работает везде неофициально. Даже охранником проституток работал, прикинь? И Марсель против этого... скопидомства, вот.

— Типа деньги развращают, мы живём в век мамоны, и всё такое? У меня и такие хахали бывали. Выдумают себе идеальное оправдание, оденутся в него и ходят, щеголяют — «нате, смотрите». Эксгибиционисты чёртовы!

Соня хихикнула и призналась:

— Знаешь, после твоих слов я думаю, что все эти «идеи» — те же самые кумиры. Просто бестелесные.

— Видишь, как благотворно действуют беседы с гуру удачи и счастливой жизни Эллочкой? Осталось тебе на твоего Марка глаза раскрыть. Все эти рассусоливания про великие идеи имеют значение до первой юбки. А как видят красивую юбку, так их золочёные кумиры тут же падают и разбиваются.

— «Да не сотвори себе кумира», сказал Моисею другой кумир. — Марк вплыл в комнату тихо, как призрак, и произвёл такой же эффект: Соня с Эллочкой обмерли, уставившись на него во все глаза. Марк спокойно помешивал ложечкой в кружке и имел самое невозмутимое и величавое выражение из всех, которые накладывал на лицо вместо грима. Права Эллочка — настоящий актёр.

Соня по обязанности хозяйки вышла из оцепенения первой:

— Когда ты пришёл?

— Минут пять назад. Вы меня не слышали из-за вашей музыки. Так что не бойтесь, я тоже ничего не слышал из ваших сплетнических разговоров, только слово «кумир». Вкусный коктейль, я тебамтоже вкусняшек принёс.

Соня подобралась и выстрелила в Эллочку горделивым взглядом, а ля «видишь, ради меня старается». Внутренне ей хотелось доказать Эллочке, что Марк выше всех этих меркантильных представлений о хорошей жизни и что она не льком деланная — выбрала сильного парня.

Эллочка сделала музыку потише и небрежно поправила причёску.

— Значит, та самая Эллочка-людоедка? — Марк нарочито склонил голову в знак приветствия.

— Значит, тот самый Марк? — Эллочка вытянулась и протянула Марку руку, безмолвно требуя, чтобы, согласно куртуазностям высшего света, он поцеловал ей руку.

Соня закусил губу. Если бы Марк пренебрёг этой элементарной любезностью, то выставил бы себя дикарём, типичным хипстером-мизогинистом, от которых Эллочка рекомендовала держаться подальше за сто миль. Но внезапно Марк принял её ладошку и едва коснулся губами костяшек. Эллочка одобритительно подмигнула Соне, и та выдохнула, не в силах перебороть приятное чувство гордости.

— А что без шиншиллового палантина и голубиной шляпки?

— Я не того издания Эллочка и знаю больше тридцати слов.

— Ну так просто шик-модерн, людоедки модифицировались! — Марк сел в кресло напротив Элочки, под подоконником, под Соней, что ей несколько польстило. Ей так и хотелось сказать вслух: «Видишь, он даже не печётся о своём достоинстве, как некоторые хлюпики, и может сесть на уровень ниже девушки! Он не такой, как все!».

— Видимо, беседа в самом разгаре, и Эллочка-людоедка действует как вино — у Сони давно так не блестели глаза.

— Я натурально пьяна! — задорно подтвердила Соня.

— Не поделитесь секретом, Эллочка, как вам удалось добиться таких результатов?

— Ловкость слов и никакого мошенничества! — обольстительно улыбнулась Эллочка.

— Вот как работает хорошее лечение разговором. Что я говорил? — Марк вопросительно взглянул на Соню.

— Лучшее лечение из всех! К наговорщицам-цыганкам не ходи, лучше Эллочке позвони! — отчеканила Соня, заметив морщину на лбу Марка. Марк был ощутимо напряжённый и уставший — похоже, день выдался тяжёлый...

С каких пор она научилась так легко и мгновенно читать Марка? И при том без всякой азбуки. Она ведь так давно не открывала её. И после разговора с Эллочкой поняла почему: азбука стала казаться сущим домислом и галлюцинаторной завесой после напыщенных речей Марка, развенчивающих миф о красоте внутренних образов и тонком душевном складе. «Тонкого душевного склада» и не существовало, исходя из слов Марка, а существовали только разные психозы и неврозы.

Соня с ужасом осознала, что всё это время была таким же пациентом на психоаналитическом столе Марка, на котором он препарировал человеческие чувства, как делал это со своими друзьями. «Ваши сеансы дали результат, маэстро! Пациент излечился и больше не страдает навязчивой идеей азбуки!»

Эллочка о чём-то спросила Соню, но она лишь слабо ухмыльнулась, мало улавливая, о чём они беседовали. Соня почувствовала себя прежней засоней, которую мало увлекали разговоры окружающих и их музыка.

Ей вдруг захотелось оказаться в алтайских лесах, которые с воодушевляющим упоением описывал ей двоюродный брат... Соне вздумалось открыть азбуку и переместиться в это далёкое место.

Она закрыла глаза, и чёрно-белая шахматная комната испарилась, уступив место нарядно-зелёному урману. Перёд Соней протянулась тонкая стёжка, петлявшая меж кедров, таких могучих и высоких, что

любая хрущёвка смотрелась бы смурной старухой рядом с ними. Соня ступила на тропинку и углубилась в бор...

Когда она закрыла азбуку, было уже темно, и маленькая царица горы-живота медведица молчала. Только ноги гудели от усталости. С кухни неслись приглушённые голоса — видимо, Эллочка ещё не ушла.

В спальне зажгли лампу с абажуром, а саму Соню перенесли на кровать и укрыли пледом, поставив на тумбочку рядом кружку с коктейлем и тарелку с печеньем. Позаботились. Это так подкупило и усыпило Соню, что она, не раздеваясь, заснула.

Во сне перед ней расстелилась солончаковая пустыня, изрезанная сухими бороздами. Вдали переступали тонконогие слоны. В небе курились плотные, похожие на морские валы тучи. Хляби небесные разверзлись и пролили на землю музыку. Неистово звучали её аккорды, и музыка, как истинная чаровница, легко изведывала потаённые желания людей и заставляла их делать то, что приказывала. А приказывала она быть собой. Поэтому люди спасались бегством в поисках укрытия от этой музыки.

Соня увидела неизмеримой высоты дерево — кедр. Наверное, вырос после музыкального дождя. Присмотревшись, Соня заметила, что это было чудесное живительное дерево. На его листиках копошились люди размером с муравьёв, дерево было их домом. Она сама захотела поселиться на нём, но увидела, что к дереву приросло другое — дряхлое, высохшее, питавшееся силой животворящего кедра, оно, как плющ, обвил ствол кедра.

Соня решила во что бы то ни стало поселиться в кедре, жизнь в нём казалась счастливее, чем в пустыне. Но перед тем как поселиться там, нужно было обрубить присосавшееся дерево...

С этой мыслью Соня проснулась. За окном брезжил рассвет. На тумбочке всё так же стояла кружка и тарелка с печеньем. Лампа была всё ещё зажжена. Впрочем, Соня ничему этому не удивилась, как не удивилась тому, что не нашла Марка рядом.

Не удивилась даже тому, что на кухне обнаружила и его, и Эллочку на полу, укутанных в плед с балкона и простыни, снятые с сушилки. Больше всего было обидно за простыни, потому что они требовали деликатной стирки, и Соня постирала их руками.

Это привело её в невысказанную ярость, такую, которая заставляла людей прятаться, как музыка, от которой спасались люди в её сне.

— Вон! — взорвалась она. — Пошли вон, паразиты!

Марк подпрыгнул, как ужаленный. Наспех подобрал портки и одним махом запрыгнул в них, как космонавт в широкий скафандр. Эллочка

застыла, выпростав из-под простыни голову и осматриваясь одними глазами, как крокодил.

— Вон, гады! На хрен! — бушевала Соня, хватаясь за кухонный нож.

Но прежде чем она кого-нибудь зарезала, Марк уже снял с вешалки куртку, а Эллочка натянула платье под простынёй и выбежала в коридор. Соня невидяще разглядывала скомканные на полу простыни и, уловив среди складок чёрный бюстгальтер Элочки, зарычала в новом приступе ярости. Схватив бюст, выбежала в коридор.

Марк уже испарился в подъезде, Эллочка обувалась. Соня швырнула в подругу её же бельём и для чего-то вскинула нож.

— Зато теперь ты знаешь, кто есть кто, — наспех выдавила Эллочка. — Ещё спасибо должна сказать, что тебе глаза раскрыли.

Соня завопила и двинулась на Эллочку, но та с визгом бросилась в подъезд, а Соня захлопнула дверь. Вернулась на кухню, крепко держа нож, отчего-то показавшийся пылающим мечом, которым удалось прогнать злобное чудовище.

Соня села за стол и уставилась в одну точку, а потом её прорвало... Она истошно расхохоталась. «Надо же, и так бывает в жизни!» — подумала весело. Больше всего её поразила и приободрила та роковая сила, которую она внезапно нащупала в себе. И эта сила даже пугала людей. Невероятнейшее открытие! Оно стоило того, чтобы увидеть тёмную сторону Марковой душонки. Но Эллочка обойдётся без спасибо.

Соня пребывала в прекраснейшем настроении. Она отвоевала квартиру. Вряд ли надолго, но так, как раньше, ничего не будет. В этом она была уверена, и малышка-медведица поддакивала, усиленно толкаясь. Возвращение Марка Соня предрекала не раньше, чем через неделю, с озорством фантазируя, как он вернётся, понуро опустив голову, пришибленный и извиняющийся. Но ничего не будет как раньше.

Тогда как будет дальше? Подумав об этом, она заставила время обернуться вспять и проиграла заново все события последнего года. Почему она забеременела? У всего есть скрытая причина.

Цыганка уверяла, что Соня вернётся и продаст ребёнка. Она встала перед глазами в мельчайших деталях. Её самодовольное лицо, изрезанное морщинами, больше говорящими о накопленной мудрости, нежели о старости. Её мосластые бронзовые руки и быстрые пальцы, раскидывающие на стол карты, на которых были запечатлены сетки Сониных ладоней, её судьбы. «Ты вернёшься». Может, судьба действует по законам сновидения, и суждено вернуться не Соне, а её прообразу, созданному путём замещения?

Может, не нужен был Соне этот ребёнок, и рано ещё гробить свою жизнь, и права была Эллочка? Соня недоумённо поглядела на гору на месте живота. Какая из неё горная богиня, какая мать? Посмотрела на ладони, проследила за витиеватыми бороздками. Где-то здесь был написан ответ — дозрела она до материнства?

Только она задала себе этот вопрос, как всё нутро сотряслось. По ногам потекла жидкость. Малютка в утробе словно услышала её и, не став дожидаться нахождения разгадки, решила прорваться наружу. Живот отяжелел в несколько раз и свинцовым ядром надавил на внутренности.

Соня кое-как добралась до тумбочки, где лежал телефон. «Мама! Мама!» — рвалось изнутри, и она застонала, судорожно набирая номер матери, потому что у самой вылетел из памяти номер «скорой помощи». Она даже забыла, какой у неё срок беременности, и не могла понять — пришло ли время?..

## Часть 3

### I

Марк похлопал по карманам куртки, проверяя деньги. Цыгане, скорее всего, начнут торговаться, но он взял с собой только пятьдесят тысяч. Постучал по двери ворот. Профнастил завибрировал. Марк оглянулся. Не нравился ему этот разлагающийся переулочек с заброшенными вымороженными домами. Время здесь текло медленнее, плелось, как хромящая старуха.

От невыносимого ожидания Марк снова проверил деньги. Как ни старался не заикливаться на червонцах, жаль было терять их.

У Марка в банке был вклад в сто тысяч рублей. Отец жутко наседал, чуть ли не насильно требуя от Марка отучиться на инженера, поэтому мама оформила вклад втайне от отца на случай, если Марк захочет сбежать и поступить, куда хочет. Но сбежать не пришлось. Мама умерла в автокатастрофе — в этом Марк не соврал Соне.

Марк не пришёл на её похороны, и это послужило отцу поводом обвинить его в гибели мамы, единственного звена, делавшего их похожими на семью. Мучимый сознанием вины, Марк ещё до сорочин умотал в Самару к тётке. У неё не было детей, и она сама предложила поселиться у неё, зная о сложных отношениях с отцом.

Марк уже окончил школу, но из-за смерти мамы пропустил время поступления в вузы. Пролетел как фанера... Решил не сидеть без дела, начал подыскивать работу. Но военкомат, словно сыскающая полиция, нашёл его и в Самаре.

Весной отчалил по призыву. В армейке бывалые люди рассказали, что высшее образование — сладкий леденец, испробовав который, не получишь ничего, кроме голой палочки — безденежья. Но именно в армии он познакомился с психоанализом, обрёл новый смысл жизни, отточил навыки готовки и скобления пола бутылочным стеклом. Домой вернулся уставший, но духовно окрепший, переродился в каком-то смысле.

Тут тётя скоростно скончалась от сердечного удара, а ведь так хотела увидеть внуков...

Марк всерьёз думал лезть в петлю, это казалось здравее, чем обращаться к отцу. Но знакомый из армии, Мишаня Кочетов, зазвал в Оренбург. Толком не раздумывая, Марк продал квартиру, доставшуюся от тёти, и рванул в чужой город, где обрёл необжитую однушку и новую жизнь.

Мишаня помог устроиться администратором барбер-шопа. Марк не продержался и месяца — управлять было не по его части. Но видя, как коллеги орудут ножничками, превращая шевелюру, похожую на непаханое поле, в разглаженную лужайку, он загорелся обучиться мастерству куафёра.

Отец заявил о себе, огорошив, как проливной дождейчик в ясный день. Сразу поставил условие: даст деньги на обучение, если Марк пойдёт учиться хоть куда-нибудь. Марк с достоинством ответил, что уже устроился в жизни. Отец булькнул что-то про сговор остолопов и отрывисто распрощался.

За всё это время Марк ни разу не воспользовался вкладом матери. Депозит всё ещё был активен. Но вот спустя четыре года у него не хватало денег, чтобы выкупить своего ребёнка, — как же дико это звучало...

Марк занёс кулак, чтобы постучать ещё раз, бурча что-то про сговор остолопов, но дверь отворилась с противным густым скрипом, и из-за неё понеслась разбойная, быстрая мелодия скрипки.

Показалась высокая бабища-великанша в броской кофте и красной шляпе, с плотно сомкнутыми губами и острым подбородком, производившая мефистофелевское впечатление. Едва сознавая себя, Марк что-то бросил бабище, и та молча повела его по безлюдному квадратному двору к левому домишке. Что там значит во сне войти в дом?..

Пройдя по трём ступенькам, заляпанным чем-то красным (кровь или краска?), они очутились в бледно-жёлтом коридоре, где лампочка

с рефлектором больно била по глазам, точно лампа над операционным столом. Может, над Марком проводили эксперимент и всё это было настоящим? Не мог же он взаправду ломануться по следу ребёнка, которого даже не видел.

Зашли в одну из комнатушек. Величественная из-за своих крупных габаритов цыганка сидела за низким столом у окна и раскладывала пасьянс. Напротив неё развалился плюгавый толстяк. Они, не глядя на Марка, выслушали его. О чём он говорил?.. Лишь во сне забываешь только что сказанное.

— А провела тебя змеяедка! — весело фыркнула цыганка, хлопнув по столу.

Из-за этого хлопка её слова звучали пророчески.

Марк настоял, что отдаст ровно пятьдесят тысяч — столько получила Соня за новорождённую девочку, с которой не провела в роддоме и двух дней.

— Ребёнка хочешь? — угрожающе спросил плюгавый толстяк. По всему было видно, что он тут заправила. Он крикнул нечто на своём родном великанше, и та вышла.

Сколько Марк простоял в зловонной комнате, трудно было сказать. Как и в любом сне, час мог продлиться секунду...

Малышка была совсем крохотная, легко помещалась в ладонях. Её укутали в задрипанное тряпье, похожее на содранные занавески. Марк обомлел, беря девочку на руки. Это был точно его ребёнок. Соня не могла родить другого: у девочки был маленький изъян, заячья губа, почти незаметная расщелинка под носом.

Этот изъян, такой искренний, будто выведенный честным художником, был реальнее любого сновидения. Марк сразу же, окончательно и бесповоротно признал своё дитя, хотя всегда считал, что признать в один миг родственника, которого никогда не видел, — дешёвый самообман.

Он положил пачку денег рядом с картами, плюгавый пересчитал. Всё это время цыганка не спускала с Марка пытливого взгляда, не переставала визжать невидимая скрипка.

Во дворе Марк, всё ещё немея душой и телом, попросил великаншу поддержать ребёнка, чтобы вызвать такси. Тётка осторожно взяла девочку на руки, и её угрюмое лицо разгладилось от умиления. Перемена была так разительна, словно мефистофелевская ведьма скинула маску и предстала доброй феей. И вместе с тем это место сбросило жуткое, пугающее впечатление, как сгнившее платье покойницы, и превратилось в уютное обиталище странствующего народа.



Происходящее утратило inferнальный характер, но только дома Марк очнулся до конца, уразумев всё свершившееся. Он дёрнулся, вспомнив о чём-то гадком. Мамаша ведь сбежала. Уехала на Алтай, а сама продала ребёнка цыганам. Марк решил не думать о ней, пока не остынет.

Девочка проснулась и захныкала, расщелинка под её носом расширилась. Марк спохватился. У него не было ничего, чтобы покормить её! Не было даже пелёнок и всего того, чем родители закупаются до рождения малыша.

С этого момента всё завертелось, словно в адском кошмаре. Марк уволился и следующие три месяца провёл в каком-то забытьи. Рядом не было никого, чтобы помочь. Выручили соседи, ребёнок которых уже ходил в школу, — подогнали раскладную люльку, слегка запылённую, но пригодную.

Сосед выразил одобрение тому, что Марк остепенился и больше не придётся слушать по ночам «запойную музыку». Но когда на вопрос, где мать, Марк откровенно выдал, что она сбежала, сосед опешил, а его жёнушка жалостливо заворковала. Тогда-то они вызвались помогать Марку.

Оставались с его малюткой Настей, когда ему нужно было уйти за продуктами, выражали крайнюю симпатию и с восхищением отзывались о дочке, поражаясь тому, какая она тихая. Марк всегда считал этих соседей заурядной парочкой, где оба партнёра бессознательно проигрывают модели отца и матери, впитанные в своей семье. Он относился к ним если не с презрением, то с лёгким налётом пренебрежения, но теперь старался выглядеть признательным до глубины души, хотя удавалось выглядеть только изрядно вымотанным.

За три месяца Марк усох, забыл, что такое спать, деньги стремительно убывали, и никакие сказочные депозиты не могли его спасти. Неужели придётся звонить отцу?..

Не пришлось. На третьем месяце Настенька раскапризничалась как никогда. Марк думал, что это тоска по матери, по нормальному молоку (*по нормальному отцу*). С замиранием сердца подходил к люльке. Что сказать? Какую интонацию голосу придать? Какое выражение лица принять?

Он задавался такими вопросами, когда собирался провести нечто вроде «оздоровительной» психоаналитической беседы с кем-нибудь из друзей. Но с Настей было в разы сложнее. Она не хотела его слушать. А потом вдруг ночью умерла.

Врачи развели руками и поставили загадочный диагноз: синдром внезапной детской смерти. Но Марку всё было ясно и без них. *Даже ребёнок не выдержал ядовитого присутствия Марка.*

«Быть стойким. Не отчаиваться. Ты это уже переживал», — повторял себе Марк и когда подписывал свидетельство о смерти, и когда выбирал место на кладбище. Похорон не устраивал. Дал установку похоронному бюро просто положить гроб в землю.

Предусмотрительно выбросил остатки виски из дома. Хотя Марк был уверен в своей силе воли, но бутылку считал чем-то вроде трясины, в которую может угодить каждый, даже последний терминатор со стальными нервами.

Первой же ночью после смерти дочки, отдав соседям их вещи (супруги чуть ли не со слезами обещали навещать его каждый день), он позволил себе подумать о Соне в аналитическом ключе. И это была первая бессонная ночь.

Днём он чуть не валился с ног от усталости, но ночью его захлёстывали сомнения и вопросы без ответов. Было ли это всё в реальности — Соня, ребёнок? Или Марк следовал странной установке изгнать всех женщин из своей жизни? Тогда откуда он черпал эту установку? Что-то не сходилось в этой теории. И Марк строил новые. Такие же тупиковые и обманчивые, как закоулки лабиринтов.

Подступила затяжная, грозящая горячкой депрессия. У Марка депрессия всегда ассоциировалась с капканом, который человек ставит сам себе.

На третий день томительного одиночества и неутомимого самокопания вернулся на работу. Без слов приняли обратно. Соболезновали скупое, чему он был только рад.

Спустя неделю бессонницы решил разобраться в себе психотерапевтическими методами. Достал из комода в спальне исписанные ежедневники. Их было всего два: «До Сони» и «После Сони».

Уселся в кресло, вообразив, будто напротив него сел психоаналитик-специалист. Представил его в деталях. Фигура сухая, плечи слегка перекошены — одно выше другого, костюм великоват, а взгляд диковат и пламенен. Лицо худое и упрямое, нос крючковатый. Во всём — что-то от Феликса Дзержинского, прежде всего фанатизм и революционность.

Марк раскрыл дневник «До» на первой попавшейся странице. Куча записей волнистым скачущим почерком с описаниями подмеченных деталей о друзьях, знакомых и случайных прохожих, наскоро записанными умозаключениями. Остановил взгляд на одном.

«Я давно открестился от того, что принято называть любовью у приземлённых людей, от этого алчного собственничества, прославленного массажи. Игра в ревность, в зависимость от любовника, духовное растворение в любовнике — всё это ныне составляет ту мистическую

сопричастность, которая раньше двигала сознанием народов. Но в древности это была созависимость от чего-то великого, настолько всезначимого, что никто не задумывался о его природе. От кого сейчас можно быть зависимым так же самозабвенно? От той высшей сущности, которая пришла на смену бога, — от человека. И сейчас нет того «океанического чувства», растворённости во всеобщем потоке совместного бытия. Любовь к родине, к высшим идеалам? Нет, давно мертвы. Человеку нужен человек, не всё общество, не высшая идея, а только один человек.

Любовный аффект — одно из самых действенных средств забыть о тяготах жизни, но и самое губительное. Оно умаляет дух, вот почему его так активно профанируют. Я не отрицаю инстинктов и не сторонник воздержания. Если оголтелая нимфоманка или развращённая нимфетка алчет плотского удовлетворения, я иду ей навстречу, как добрый самаритянин, и мне это самому на пользу: либидо надо кормить, иначе оно сожрёт душу. Но я не хочу оказаться жертвой какой-нибудь Далилы, которая отрежет мне волосы и тем самым отсечёт мою силу. Страх кастрации, нарциссизм? Может быть, но это лучше чем то, что называют любовью, — утопическое желание обрести вечное счастье.

Иные запираются в догмы чести и морали, предпочитают воздержание, но проигрывают идее. Что Миша, что Митя, что Марсель — все они страдают от метафизической интоксикации, не зная, как обрести сопричастность с миром. Поэтому держатся идеологии, надеются, что она сделает их сопричастными чему-то высшему. Но эта неудовлетворённость своим положением рождает желание защититься от внешней реальности, вернуться к началу — в лоно великой матери Истины. Не важно, какой облик она принимает — Ничто, Свободы или Брахмана. До добра это не доведёт. Если не помогу им, предчувствую, что Марсель всё-таки прирежет себя, а Митя и Мишаня... Эти, как братья Кастор и Поллукс, — один смертный, жаждущий свободы, второй бессмертный, жаждущий забытья в Ничто. Оба стремятся к хаосу, и оба нежизнеспособны друг без друга. Как бы это не довело и их до чего-нибудь рокового. Но я же помогу!»

Марк судорожно вздохнул. Неужели это писал он?..

Глаза психоаналитика блестели нездоровым блеском.

«Скажите, — начал он, — вы представляете себя революционером, несущим знамя в авангарде реформации духа? Или вы очередной сверхчеловек завтрашнего дня?»

«Я... — отвечал Марк. — Не знаю... Просто хочу познать себя».

Психоаналитик лукаво улыбнулся одними кончиками губ и предложил прочесть что-нибудь из дневника «После». Этот был начат с посе-

лением Сони в квартире Марка и потому был исписан заметками о её эмоциональном состоянии, динамике её настроения и анализом собственных снов. Марк открыл одну из страниц наугад.

«Зевс, что за племя послал ты в женщинах?! Кажется, всё на свете разгадано, и вдруг находишь диковинное чудо. И где? В женщине! Дьявол многолик. Чем ещё, если не дьявольщиной, объяснить, что мне уже несколько лет снились сны без сновидений, и тут, с переездом Сони, сновидения окрасились цветами и сюжетами. Как я, изголодавшийся до сновидений зверь, мог не наброситься на них, как мог не начать записывать их, хотя бы чтобы запечатлеть на память?»

Сперва я думал, что сновидения вернулись ненадолго, но они приходят уже три месяца. Соня — лучшее снотворное, потому что, как никто, умеет творить сон. Я пока не знаю, что это. Ни с кем у меня так не было.

Соня пару раз звала меня и оговаривалась, назвала «мрак», вместо «Марк». Сама не заметила, а я зацепился. Если Соня — производное от «сон», а Марк — от «мрак», то всё встаёт на свои места. Одно без другого невозможно.

Но мне претит мысль, что кто-то может назвать это любовью. Я не чувствую к Соне ничего, кроме обязанности помочь. Может, и хорошо, что именно она подвернулась для исполнения долга деторождения.

Да, Соня не очень разумна, но это не страшно, она тоже по-своему особенная, даже загадочная. Она чуткая, мыслит конкретно и полностью растворяется в происходящем. Свою чуткость она не осознаёт, потому так чутка. Она будто бы потеряна в мире символов. Глядя на неё, я начинаю думать, что мне, в общем-то, доступна сущность простых и понятных знаков, а не символов. Даже обидно... Хотя — стоп! Всё прощ. Она же явная невротичка!

Да, моя задача проступает как никогда ясно — подобраться к корню недуга и...»

Марк захлопнул дневник.

«Из всего этого очевидно одно, — заключил терапевт, — если ваша Соня — невротичка, то вы — параноик, об этом свидетельствует и ваш параноидный бред».

Марк перестал дышать. Диагноз был несомненен. Разве это всё не бред? И эта фантазия о психоаналитике... Марк всегда презирал фантазирование, и вот, пожалуйста, — сам же грезит наяву. Бессонница сказала?

Он посмотрел на картину Дали. Разглядел целующуюся парочку под бесформенным телом женщины. Марк заставлял себя рассматривать картину, раздумывать над её скрытыми смыслами, но картина ему,

в общем-то, не нравилась. Вот Соня находила в «Великом мастурбаторе» нечто, заставлявшее её на секунду задержать блуждающий взор, что приковывало её внимание. По ней в такой момент можно было сказать, что она что-то осмысливает и прозревает.

Марк так ничего и не осмыслил и не прозрел. Но с этой картиной начался его поиск. Как-то он прогуливался по выставочному залу и наткнулся на «Великого мастурбатора». Вспомнил, как отец показывал эту картину матери и как она смеялась...

В пекло! Марк снял картонку — ничем другим эта картинка не была. Повертел в руках, поднялся с кресла. Перед глазами всё завращалось, ноги подкосились от слабости.

Комната запульсировала. Шахматные поля на стенах начали растекаться, словно невысохшая краска. Марк не то что увидел — ощутил, как закат за окном обрёл дурной оттенок, сиреневый, словно синяк. Этот сиреневый свет озарил комнату и разлился, как вода. Шахматные поля мерцали лиловым и индиговым. Голова опустела от мыслей, Марка точно подняло над землёй, и он расплылся в воздухе. Комната взорвалась музыкой. Завизжали возвышенно скрипки, а затем зарыдали навзрыд.

Спальня сотряслась, будто от спазматических приступов. Поддаваясь причудливой игре анаморфоза, пульсирующие поля обоев слились в рисунок. Проступили очертания женского лица. Тайной матери мира?..

Марк выронил картину, и наваждение рассеялось. Никаких звуков и мерцаний. Просто спальня с шахматными обоями, выгоревший закат за окном. Марк закрыл лицо ладонями, от слабости осел на пол.

Иллюзия? Галлюцинация? Давненько же он не спал. Но это лицо на стене и истошная музыка, словно пробуждающая ото сна...

Марк с опасением посмотрел на пол, увидел картину. На картоне была трещина. А на обоях не было никакого лица.

Эти обои он когда-то клеил с друзьями. Стоило, наконец, позвонить им. Марк энергично поднялся, подобрал картину и ежедневники. Пулей выскочил из квартиры напрямик на уличную мусорку — выбросить этот хлам, напоминающий о прошлой жизни.

## 2

Трудно было беседовать с Марселем, когда он включал свою музыку и под неё чесал языком без умолку, как старая сорока. Если Марсель прикатывал с настроением поболтать, то без кольца в носу. Сегодня было так же.

*Я не вижу зла, не слышу зла и не говорю о зле.*

— И ты просто так взял и поверил, что это твой бэбик? Ещё и запла-тил? — равнодушно спрашивал Марсель. — Слушай, это ненормально. Тебе овер-сильно хотелось ребёнка. Или компенсацию за душевные обиды. Чего-то точно хотелось. Ещё и купил. Они и продали тебе большого ребёнка, зная, что он помрёт. И за такую цену... это ваще нонсенс. А ты повёл себя, как ретард.

— Хватит клевать, коршун, — откликнулся Марк, стоя посреди кухни и глядя в окно.

— А Соня так и сказала, что продала бэбика мадьярам за пятьдесят тыщ?

— Да, так и сказала. И когда я спросил, за сколько и где найти мадьяров, изложила адрес и цену, как будто инструкцию.

— Ну ты тоже тупо вёл себя. Заслужил.

— Я вчера додумался до рационального решения. Нашёл номер Сониной матери и позвонил, спросил, как там Соня...

— Короче, тебе было хреново, и ты решил выговориться мамаше неудавшейся мамаше. Рационально, да.

— Соня сказала, что не могла больше жить со мной. Она родила здоровую девочку, в роддоме позвонила отцу, выпросила денег, чтобы уехать учиться в какой-то колледж на Алтае, сказала, что жить будет у двоюродного брата. Про ребёнка отцу не сказала. Иначе бы денег не дал. Короче, суть в том, что пока меня тут не было, Соня быстро собрала вещи и вместе с малышкой уехала на Алтай. Когда оказалась у двоюродного брата, позвонила маме и всё выложила. Мать разозлилась, но ничего уже не могла поделать. То есть Соня сейчас на Алтае, и либо у неё на руках моя дочь, либо она и правда продала её. Кому она соврала?

— Сомневаюсь, что она продала бэбика. Тебе просто ляпнула цену наугад. Но это серьёзный вопрос, потому что, видишь ли... мне Соня написала, что девочка умерла во время родов.

— Соня написала тебе? — Марк резко развернулся. — И малышка умерла при родах?

Марка будто ударили по голове — как иначе было объяснить оглушительный звон в ушах? Глаза словно заволокло пеленой беспамятства, и Марк выпал в межпространственное измерение. Когда пришёл в себя, услышал дребезжащий тенорок Марселя, взволнованно что-то рассказывавшего.

— Так что Митяй и Мишаня нескоро к тебе придут.

— Что? Почему?

— Ты меня вообще слышал? Мд-а, у тебя ПТС налицо... Митяй и Мишаня переругались и подрались. Митяй отлёживается в больничке, а Мишаня... он заперся и никуда не выходит,— уклончиво закончил Марсель.

*Звёздочка упала в лужу у крыльца...  
Отряд не заметил потери бойца.*

— Это что, Егор Летов? — опомнился Марк, прищурившись. — С каких это пор ты слушаешь Летова?... Раскрывай карты — что не так с Митяем? Только он у нас из лиги любителей всего такого анархо-панковского. Что-то серьёзное случилось, харэ тянуть.

— Такое дело... — Марсель с изнурённым видом выключил музыку. — Мишаня под следствием. Я не хотел травмировать тебя ещё больше...

— И решил вывести из себя?

— В общем, неделю назад Митяй пришёл к Мишане посреди ночи. Предложил выпить, потому что ему было плохо, опять тошнило от ничтожности бытия, ну ты знаешь. По сути, как рассказал Мишаня, Митяй его опоил. Потом задевал Мишаню с его идеями о свободе, изводил по полной. Мишаня хотел вломить ему, ну ты знаешь, он быстро заводится, но он успокоился и решил выпроводить Митю. А тот... Митя вытащил откуда-то пистолет и заявил, что либо сам себя пристрелит, либо Мишаня поможет ему как друг. Он размахался пушкой, и когда Мишаня начал вырывать её, Митяй нажал на курок... В общем, он в коме, а Мишаня под следствием.

Марк не сразу осмыслил сказанное.

— Если Митя помрёт в коме, то...

— Мишане трюндец, — заключил Марк, прикрыв глаза. — Что, блин, вокруг творится?... Нет, это можно было предсказать, но...

— Предсказать, ха! А чё не предсказал? Предсказывать-то легко, а вот чтобы твоё предсказание сбылось — это другое дело! Это уже реальность, а не сны.

Повисла давящая тишина.

— И что теперь делать? — прошептал Марк.

— Не знаю... Жить, наверное. Тебе вот нужно на Алтай поехать.

— Да, пожалуй, — произвольно ответил Марк. — Стоп, что?

— А я не хуже предсказатель, чем ты. — Марсель скривился — не потому, что передразнивал, и не от омерзения, а от внутренней невыразимой боли, как будто ранило пулей его, а не Митю. — Пора закрыть гештальт, Марк.

— Почему... почему Соня написала тебе? — спросил Марк, обмирая внутренне. — Чем ты её купил?

— Умением слушать. Тебе нет равных в установлении эпицентра чужих загонов и проблем, но ты не умеешь погружаться в эти проблемы.

— Не вижу смысла. Утопят.

— Да ты сам себя утопишь! И всех вокруг своим анализом. Со мной вот ты чего ждал, Марк? Что твои разговоры помогут мне, как сеансы какие-то? Да пока я тебе не сказал, что у меня диагноз, и то спорный, ты даже не думал, что я какой-то не такой. Зато Мишаня и Митяй тебе в рот смотрели, потому ты им и навесил ярлыки больных. Вон смотри — сжились с клеймом, бросились друг на друга, как больные звери.

Марк глубоко вдохнул и выдохнул.

— Да я сам больной, — громко заявил он. — Ты это хотел услышать?

— Я ничего не хотел услышать... — раздавленно ответил Марсель. — Хотя... — голос его обрёл силу и возвысился. — Хочу услышать, что ничего не было, и Миша с Димой в порядке. И всё это приснилось тебе. Ты же великий и ужасный ловец снов!

— Тебя заносит.

Марселя уже нельзя было остановить. Глаза его влажно блестели, словно в них отражались софиты невидимой сцены, с которой он читал очередную речь, окрашенную психотической маниакальностью.

— Нет, посмотрите на него, господа присяжные! Он даже не догадывается, что он самый больной из всех, кто его окружает! Ну кто бы оставил беременяшку одну на несколько дней, зная, что она на сносях? А вот он оставил!

— И это ты говоришь? — Марк не заметил, как начал заводиться. — Ты мне предлагал оплатить ей аборт и забыть об этом.

— Посмотрите, как он извивается! Он приютил эту девочку не из чувства долга, а потому, что сам пуст, он тень, он вурдалак! Он говорил, что хочет быть всегда и во всём объективным. Но что такое объективный человек, как не пустая кастрюля, в которой варится всё, что в неё закидывают? Дилетант это! И вот эта кастрюля встречает другую, заливает в неё часть своего варева и думает, что эта кастрюля станет такой же, как наш объективный дилетант. Он недооценивает другую кастрюлю, считает, что у неё нет ни мозгов, ни идей, так почему бы не сварить в ней суп на свой вкус? Но тут наш дилетант просчитался! Оказывается, кастрюля была человеком, и у неё были свои мысли. Не могла же она долго терпеть, что её полируют, чистят и закидывают в неё специи, реально принимая за кастрюлю? Суповая терапия Марка не удалась! Под суд его!

Марк шагнул к Марселю, не представляя, что собирается делать. Наверное, так Мишаня с Митей и дошли до ручки, до белого каления... Остановился. Вдохнул. Выдохнул. Завернул иначе:

— Не хочешь же ты сказать, что я виноват в том, что случилось с Мишаней и Митей? Я в них никакие мысли не заваривал и не подсыпал.

При упоминании друзей Марсель сморщился от боли, плечи его опустились.

— И вот стоишь ты здесь, — скорбно продолжил Марсель, — стоишь, как вопросительный знак опять. И время не вспять. И тебя не распять.

— Я понимаю, как тебе плохо, Марсель, но... — фраза показалась какой-то деланной, и Марк замялся. Сел за стол. — Мы сейчас похожи, нас обоих сводит с ума чувство вины...

— Всё у тебя анализ и камерная философия. А как до дела дойдёт, так ты — просто похабник! — Марсель напрягся, у него вспучилась вена на виске, в нём словно проснулось нечто демоническое. — Что ты с подружкой Сони тут натворил?!

— Это... это влияние красного цвета на кухне.

— По части пафоса тебе нет удержу. Нет, ты не абьюзер, слишком мелкий для сложных манипуляций. Ты так, выскочка свиномордая!

— Марсель. — Марк крепче сцепил руки за спиной, чувствуя, как капля пота стекла по виску. — Ты же не хочешь, чтобы мы кончили, как Митя и Мишаня?

Марсель, словно лопнувший шарик, вновь опустился на стуле. Его тело затрясло мелкой дрожью. Эпилептический припадок? Марк перестал дышать, ожидая чего угодно, но только не нервной улыбки, искажившей лицо Марсея.

— Нет, я не хочу, чтобы с нами случилось то же, что с Митей и Мишаней. Но кто знает, как оно может случиться? Будем просто стараться не допустить этого.

— Согласен. — Марк протянул ладонь в знак примирения, заглядывая Марселю в глаза и проверяя его состояние.

Тот не сразу, но руку пожал.

— Так ты поедешь за Соней?

— Зачем? Извиниться — извинюсь ещё раз, но на фигу ехать и досаждать? Тогда это превратится в слезливую драму.

— Нужно многое переосмыслить, — элегически протянул Марсель.

Разговор полился тихий, без несдержанных выкриков и высокопарных речей. Не выпивали. Не курили. Только говорили.

Марку стало спокойнее, он предчувствовал, что ночью к нему подступит долгожданный сон, крепкий, как объятия матери, давно не ви-

дешей сына. Впервые за долгое время он ощутил, что *всё в порядке*. Как там в песне?..

*Всё в порядке,  
Всё нормально,  
Я беру тебя с собой...*

### 3

Стоял погожий весенний день, небо было чистое, лимонно-жёлтого цвета. Лимонного — потому что солнце сегодня закатывалось по-особенному долго, болезненно, разливая по небу вытекший гной.

Марк бы не удивился, если бы в небе такого неестественного оттенка замаячили слоны на длинных спичечных ножках. Но никаких ирреальных существ, населявших сновидения, не присутствовало. Всё это ему не снилось, и Марк мчался по улицам как угорелый, сшибая прохожих, в нетерпении переходя дорогу на красный свет светофора. Он спешил в необыкновенное место.

Спустя почти полгода бесплодных переписок с Соней, которые обычно начинались и заканчивались вопросом Марка: «Как дела?», который она упорно игнорировала, Соня, наконец, ответила. Она вернулась в родной город и подсказала, где и во сколько с ней можно встретиться.

Марк думал, что это ничего не значит, что он не пойдёт, и всё-таки пошёл. Чувство вины было всё так же живо и вспыхнуло с новой силой, как тлеющий уголёк.

Он никогда не был в Новодевичьем монастыре, расположенном недалеко от центра города. Даже удивительно, как это один не такой уж большой городишко способен уместить на не таком уж большом расстоянии такие разнородные элементы — мадьяров и богомольцев? И какая причудливая одиссея — переход от цыганского становища к Новодевичьему монастырю!

А название-то какое — Новодевичий монастырь! Благозвучное, благочестивое, благосердное! Не то что новодевицей, новочеловеком вернёшься. Марку уже не терпелось посмотреть на новодевицу Анастасию — так наново нарекли Соню.

Монастырь был выложен красным кирпичом (никогда дотоле красный не казался Марку столь восхитительным цветом!). Входные арочные ворота напоминали проход в пряничный домик, сверху над ними была

выгравирована надпись: «Noli facere tibi idolum»\*. Храм за воротами также был приятен глазу, с витиеватой резьбой на фронтоне. Вокруг храма цвели клумбы и зелень, всё дышало жизнью и благоденствием.

Марку всегда хотелось посмотреть на келейниц, изучить их быт и психологию, но вокруг было безлюдно, только из открытых дверей храма доносился шёпот не то исповеди, не то молитвы. Марк прошёл по мощёной дорожке вдоль аккуратных газончиков, усыпанных кустами красной смородины и червлёной рябины. Соня-Анастасия ждала его в деревянной беседке из такого чёрного дерева, словно его обуглили в адском пламени, а на фоне кирпичной крепостной стены и буйно цветущей бордовой яблони беседка будто бы действительно горела. Заметив, что беседка стоит на четырёх столбах, Марк остановился — ему всегда казалось, что чётные числа несут нечто дурное, дьявольское. Но он успокоился, заметив у беседки пятый столб.

Марк незаметно подошёл ближе, на расстоянии двух шагов уловил голос Сони. Она напевала под нос незамысловатую песенку:

*Я — бог таинственного мира,  
Весь мир в одних моих мечтах,  
Не сотворю себе кумира  
Ни на земле, ни в небесах.*

— Что за песня? — дружелюбно спросил Марк, обходя беседку.

— Волшебная, — ничуть не смущённая, хихикнула Соня.

— А ты, я смотрю... — Марк не договорил.

Он встал посреди входа в беседку лицом к Соне, разглядев её всю. На ней была чёрная ряса, и её лицо носило всё то же выражение благодушия и мечтательности. Но она была беременна — живот большой, как гора, как будто не рожала вовсе.

Марк хмыкнул и, не сходя с места, прислонился к столбу беседки. Соня самодовольно ухмыльнулась:

— Я беременна от двоюродного брата. Что, удивлён?

— Совсем нет. Даже хвалю. Ты преодолела страх кровосмешения, обожествилась. Помнишь, боги во всех мифах совершают инцест, и герой, который хочет стать богом, тоже должен совершить инцест.

— А ты всё такой же нигилист.

— Это плохо?

— Если тебе от этого не плохо, то всё хорошо.

\* Не сотвори себе кумира (лат.).

Марк осторожно сел рядом.

— Говоришь как просвещённая. Только... как тебя приняли в таком положении?

— Просила долго, на коленях стояла. Монашек мало, руки нужны, тем более что храм не так давно реконструировали. Ребёнка отдадут на воспитание в другой храм либо в семинарию. Но жизнь его ждёт духовная. А я только рада... И давно хотела в монастырь уйти — и вот.

— Ни за что бы не смог представить тебя примерной богомолицей. Я же столько раз говорил, что бог — это крючкотворное гипостазирование, мораль рабов...

— Хватит. В этом вопросе твой нигилизм бессильный и пошлый, — отчеканила Соня.

— Так зачем ты меня позвала?

— Как зачем? Ты меня почти год домогался со своими «Как дела?» да «Чего нового?». Вот рассказываю и показываю, как у меня дела. И никуда не годится входить в божий дом с неотмоленными грехами. А я тебе ой как душу потравила. Извёлся совсем! Измучился, я знаю. Наверное, чуть не пришел себя, ломая голову, из-за чего я ушла?

— Себя не пришел, но голову поломал, да.

— И тут твой психоанализ оказался бессилён, потому что ты такого не ожидал. По твоей же логике люди — простые комбинации, которые можно просчитать.

— Не утрируй, пожалуйста, — старался сдерживаться Марк. — Что стало с моим ребёнком на самом деле?

— Вот то-то! Так и не разгадал, где что. А думал, что знаешь меня лучше меня самой. Ну вот я и не скажу тебе! Додумывайся сам! — и надув губу, театрально отвернулась.

Марк прыснул, смягчившись.

— Эх, Соня, что-то в тебе не изменилось. Надеюсь, церковь не совсем тебя переделает.

— Ой, ну прямо наставитель проснулся. Ты вот не изменился. Странно ещё, что ты ничего про то самое не сказал.

— Про что?

— Ну, про священное... — Соня глянула по сторонам и, пригнувшись, прошептала: — Либи́до. По-твоему, оно же всем движет. Я хоть не читала все эти книжки, но чьё либи́до ты признаёшь, фрейдовское или юнговское?

— А вот я не скажу тебе! — играючи усмехнулся Марк. — Сама догадайся!

— Ну, судя по той картине, которая у тебя висела...

— Я её уже выбросил. Повесил «Рождение Венеры».

— Ах, это которая с раковиной?! А я так хотела, чтобы ты её повесил, когда мы жили вместе... Кхм, ладно. Это новое начало. Не зря весна. В воздухе тоже чувствуется что-то новое... — Соня осеклась и залилась смехом. — Ах да, ничего не чувствуется, это я просто проецирую!

— Может, и чувствуется. И совсем скоро Пасха, возрождение. Очень символично.

— Или же я тебя позвала именно в эту пору, потому что подсознательно связала весну, Пасху и желание начать новую жизнь.

— Иногда банан — это просто банан, — улыбнулся Марк.

— Ты же знаешь, что это не так, — серьёзно заявила Соня и направила взгляд куда-то ввысь.

Марк прислушался, пытаясь уловить звуки движения, суеты, колготки — любых признаков местной жизни, кажущейся экзотикой постороннему. Но не услышал ничего, кроме щебета птиц, шелеста листьев и шуршания травы. Зато Соня прикрыла глаза, и её лицо выразило если не блаженство, то отраду. Он хотел бы взять её за руку, но быстро пресёк порыв. Наконец не выдержал:

— В такую знаменательную встречу надо сказать что-то с глубоким смыслом. Если бы мне всё это снилось... то ты символизировала бы моё бессознательное, мою душу...

— Это понятно и без психоанализа.

— То есть?

— У мужчины душу отображает женщина, а у женщины — мужчина. Всё в этом мире взаимосвязано, Марк, всё на свете.

Марк кивнул, и ему отчего-то стало грустно.

— Иногда хочется, чтобы мне приснилась эта беременность... — с горячей откровенностью выпалила Соня. — Я пришла к одному выводу. Беременность снится к рождению индивидуальности... — помолчав, рассудительно продолжила: — Не думаю, что кому-то из нас станет легче, если мы извинимся друг перед другом. Вряд ли ты станешь просить у меня прощения, и я точно не стану. И если даже было какое-то раскаяние, то ты не признаешь этого, и я не признаю...

— Тогда просто простим друг друга, — деликатно предложил Марк.

— Прощаю тебя, Марк.

— Прощаю тебя, Соня... то есть Анастасия.

— Мне надо идти, — неловко сказала Анастасия-Соня. — Я ещё не приняла постриг, пока только послушница. Так что приходи иногда. Если захочешь.

— Обязательно приду, — горячо пообещал Марк, помогая Соне встать.

Она уже будто не замечала его и вновь медоточивым голоском завела песенку:

*Моей божественной природы  
Я не открою никому.  
Тружусь, как раб, а для свободы  
Зову я ночь, покой и тьму.*

Уходя домой, Марк хотел было зайти в храм. Свечку, что ли, поставить, хотя бы раз за много лет, если не за всю жизнь. Выйдя за ворота, обернулся и посмотрел на двери храма, уже запертые. Слишком поздно. Видимо, не сегодня. Арка над воротами всё так же назидательно гласила: «Noli facere tibi idolon». Марк с лёгким сердцем побрёл домой, неосознанно проигрывая в голове какую-то мелодию.

Утром Марк проснулся бодрый, словно заново рождённый. У него был выходной день, никуда не надо было спешить. Следуя установленной традиции, достал записную книжку. Новенькую, с ещё не исписанными листами. На кухне снял с холодильника очешницу, надел очки, раскрыл записную книжку. Стал вспоминать сновидение. Чудесное, волнующее сновидение, оно проступало из недр разума мутными картинками.

Это было одно из немногих сновидений, которое Марк спутал с реальностью. Обычно он всегда распознавал сновидение, легко отличая от яви, и говорил себе: «Это всё не по-настоящему, поэтому можно насладиться происходящим». Но на сей раз случился сбой.

А всё было так очевидно! Ну какая смородина или рябина весной? Ну какие жёлтые закаты, если у них бывали только пурпурные, оттого, что город задыхался грязью и отхаркивал её кровью.

Марк посмотрел на чистые страницы записной книжки и захлопнул её. Это был не случайный сон. Он верил, что судьба Сони не могла сложиться иначе. В конце концов, эта её песенка... Ведь только Соня могла петь такую простенькую несурязицу. И эта её фраза «беременность снится к рождению индивидуальности»... Это был вещий сон.

В детстве Марк каждое утро рассказывал сон маме, и она, как метеоролог, предсказывающий погоду, заключала: приснился Марку просто сон или к чему-то. Если к чему-то, то мама возвращалась к кровати Марка с загадочной книгой, такой толстой из-за огромного числа страниц, что книгу было жутко неудобно держать. Читая эту книгу, мама находила отгадку — к чему приснился сон. Обычно из её заключений мало что можно было понять: сны были «к хорошим вестям», «к серьёзному

разговору», «к неожиданному празднику», но сам процесс, само разгадывание сновидения завораживало настолько, что Марк затаивал дыхание и, не моргая, следил за каждым движением мамы, за её меняющимся выражением лица, интонацией. Это была фееричная мистерия, наполнявшая жизнь тайным смыслом.

Тогда Марк трепетно соглашался с каждым словом мамы, а сейчас, наверное, возразил бы. Ведь и реальность можно выстроить по своему замыслу. Вот что действительно чудесно.

И как же давно Марк не вспоминал о матери, не представлял её лица, так что оно почти стёрлось из памяти... Как будто что-то запрещало, мешало, отворачивало его мысли всякий раз, как он хотел вспомнить. Она даже не снилась ему — ни в первые дни после смерти, ни спустя эти несколько лет, а ведь усопшие всегда приходят к родным во сне.

Марк решил, что больше не будет тратить время на разгадывание сновидений. Он ведь уже узнал себя достаточно, пришла пора осваивать мир. Тем более что в кошельке повесилась мышь, а до следующей зарплаты надо было как-то продержаться. Может, даже стоило податься в университет. И Марк собрался позвонить отцу.

## Содержание

Часть 1 .....	3
Часть 2 .....	14
Часть 3 .....	61



**Ирина Дмитриевна Дюгаева**  
**Мистическая сопричастность**

Редактор Вячеслав Моисеев  
Верстка — Леонид Маслов  
Корректор Людмила Моисеева  
Обложка Светланы Чунихиной

Допечатная подготовка:  
**Издательский центр МВГ,**  
e-mail: wgmoses@mail.ru,  
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 22.06.2020 г.  
Отпечатано с готового оригинал-макета  
в ООО «Универсальная Типография „Альфа Принт“ »:  
620049, Свердловская обл., г. Екатеринбург,  
переулок Автоматики, дом № 2ж.

Тираж 200 экз. Заказ № .

ISBN 978-5-907297-23-4



9 785907 297234